

Колдовские миры

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ОТРАЖЕНИЕ
Зеркало любви

Колдовские миры

Галина Гончарова

Отражение. Зеркало любви

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Отражение. Зеркало любви / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2019 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-106119-7

Это у вас войны, заговоры и прочие развлечения, господа мужчины. Но это — ваши личные трудности. А у девушек задача какая? Выйти замуж. По любви и за хорошего мужчину. Только вот как его найти? Или он уже сам нашелся? Правда, в другом мире. И что теперь с этим делать? У Марии-Элены своя любовь, у Матильды своя, и обе умудрились влюбиться не по месту прописки. И с этой самой любовью сестры совершенно не обращают внимания ни на завистников, ни на грозящие им опасности. Они же вместе! Неужели не справятся? Или справятся — но какой ценой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106119-7

© Гончарова Г. Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

1	5
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Галина Гончарова

Отражение. Зеркало любви

*Что вы судом зовете? Неужели
Никто из вас другому, втайне, зла
Не пожелал? – Неужто вы сумели
Так сделать, чтоб вся жизнь была светла?
Когда же нет, – а это нет, наверно, —
Как можете желать убийства вы?
Негодваньё ваше лицемерно,
И, ежели вы сердцем не мертвы,
Поймете вы, что истина в прощеньё,
В любви, не в злобе, и не в страшном мщеньё.*

Перси Биши Шелли. Поэма «Возмущение Ислама»

1

Разработка серийного оформления *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

© Гончарова Г.Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Матильда Домашкина

– Встать, суд идет!

Те же стены, та же судья, те же ненавидящие взгляды тети Параши.

Мамочка так и не явилась. Да и черт бы с ней, не жалко.

Матильда привычно уступила управление Марии-Элене, чтобы не сорваться, и принялась вслушиваться в юридический суржик.

И как люди в этом разбираются?

Ладно... сама она тоже кое-чего нахваталась. Но сделать это профессией? И постоянно зарабатывать деньги языком?

Нереально.

Честное слово, не просто так Перри Мейсон стал знаменитостью.

Но тут убийство не обсуждалось. Все проще.

Любимая матушка требовала признать завещание недействительным и вернуть ей все добро (три магнитофона, три кинокамеры заграничных, три портсигара отечественных, куртка замшевая... три... куртки). А если уж добро не вернут, то хоть алименты слупить с неблагодарной дочери.

Малена протянула документы.

– Ваша честь, дарственные. И договор аренды. А вот это документ об эмансипации.

Вот тут был самый скользкий момент.

Об эмансипации никто не знал. Ни во дворе, ни среди друзей и знакомых, вообще никто. Оформляли-то втихорца, мало ли что?

А еще – эмансипация, как правило, проводится с согласия родителей. Или, при их отсутствии, по решению суда. Вот у Матильды и был второй вариант.

Но судья, видимо, прониклась ситуацией. Потому что не стала уточнять и спрашивать. Просто проглядела документы, кивнула, мол, все по закону, и положила их на стол.

Малена перевела дух.

Было у нее подозрение, что судья просто не захотела подставлять коллегу, ведь если эмансипация через суд незаконна, то и решение принято неверно, и пошла виться ниточка. А это плохо. Это компромат.

Кому вообще оно надо? И ради кого?

Ради Марии Домашкиной? Уже смешно.

Но это-то по вопросу завещания.

Оставалось самое скользкое – алименты.

– Ваша честь, во-первых, моя мать замужем и у нее есть муж, который работает и содержит семью. Во-вторых, она сама работает. И в-третьих, моя мать никогда и ничем мне не помогала. Она не переводила ни копейки на мое содержание, она не приезжала, не появлялась, она просто родила меня и бросила. Я отказываюсь платить ей алименты. И у меня есть доказательства и свидетели всего вышесказанного.

Может, и коряво сформулировано, но...

Судья кивнула.

Прасковья Ивановна поднялась в ответ.

– Вот, ваша честь.

Справка из больницы, что Мария Домашкина является инвалидом третьей группы. Причина – отсутствие мизинца на правой руке. Ампутация конечности вследствие обморожения. Ни убавить ни прибавить.

Кажется, судье тоже понравилось.

Она посмотрела справку о страшном заболевании и поинтересовалась, где работает больная. Или не работает?

Оказалось, работает. Уборщицей, директор-то уже есть. И конечно, испытывает нужду, голод и страдания.

Справка с места работы?

Эм-м-м... ее нет. Можем запросить к следующему разу. Но зарплата – одни слезы. Кошачьи.

Почему-то судье это не понравилось, и внимание вновь обратилось на Матильду. Что у вас есть еще? Предъявите.

Первой предъявилась тетя Варя. Под ненавидящим взглядом Прасковьи свет Ивановны она рассказала, что Мария Домашкина как уехала черт-те когда, так и не возвращалась. И не помогала.

Откуда она знает? Так ближайшие соседи, с одной площадки, вместе мелких поднимали, кто детей, кто внучку. И она готова поклясться чем хотите, ни словечка не было. Не говоря уж о финансовой помощи. Не потому ли и Майя, покойница, Паркинсоном заболела?

Поди внучку подними да за дочь переживай...

От остальных соседей были письменные заявления по всей форме, Матильда лично из интернета черновики скачивала. Никто, никто за последние пятнадцать лет Марию Домашкину в глаза не видел.

Судья вопросительно посмотрела на Прасковью Ивановну.

– Врут они все! Помогала Машка, я сама свидетельница...

Почему-то свидетельские показания не тронули сердце судьи. Женщина улыбнулась.

– Замечательно! Давайте!

– Что – давать?

– Выписки. Квитанции о почтовых переводах, какие-то подтверждения перечисления денег...

Вот с этим было плохо. Не имелось ничего. Ни выписок, ни квитанций – вообще ничего. Прасковья заявила, что деньги передавали из рук в руки, со знакомыми.

Судья попросила предъявить знакомых.

Прасковья Ивановна ударила себя в грудь. Мол, я – и есть та самая знакомая. Лично все передавала, правда, без свидетелей, только что при сыне. Он все подтвердить может! Даже два раза! Но кажется, ей не поверили.

Судья покачала головой. Поинтересовалась, где работает муж несчастной страдальницы Домашкиной. Оказалось – ночным сторожем, сутки через трое. Здоровье... что со здоровьем?

Ах, есть такая болезнь – «отсидел»? Ну да. Наряду с «перепил» и «воспалением лени».

Матильда тем временем представила справку о зарплате. И порадовалась, что Антон такой лапочка.

Есть такое у частных. Платить минималку с налогами, а остальное в конвертах.

Плохо? Черная зарплата? Пенсионный фонд предаст вас анафеме, а налоговая лично подожжет костер? Да и плевать!

Учитывая все пертурбации в мире, вы сами-то уверены, что через сорок лет до пенсии еще будет и кому поджигать, и вы будете, и страна? И пенсия будет нормальная после всех деноминаций? Может, и горько, но кто ж его знает?

А сейчас Матильда была счастлива.

Минимальный оклад позволял ей не умереть с голоду. Все.

Платить с него алименты не представлялось возможным.

Судья еще раз все проглядела, задала пару вопросов и отпустила всех.

– Суд удаляется на совещание.

В этот раз Прасковья Ивановна не лезла с разговорами. Это потому, что в суд Малена пришла с тетей Варей. А та... поди скажи хоть слово! Это тебе не Матильда, с ней ты не судишься! Если ее выведут за скандал – ей наплевать. А вот то, что и тебя с ней вытасят...

Прасковье надо было присутствовать в суде, а не сидеть в этот момент в обезьяннике. Так что она молчала, пока дверь опять не открылась и всех не позвали обратно.

Решение было простым.

Все притязания Марии Домашкиной признавались неправомочными и отклонялись.

Разом.

Ссылки на статьи, на кодекс, цитаты. Куча судебного сленга.

Тетя Варя захлопала в ладоши.

– Ура! Спасибо, ваша честь!

– Спасибо, ваша честь, – опомнилась Малена.

У нее с плеч словно камень свалился.

Да, мамаша может еще приезжать ругаться, подавать в суд, апелляцию, кассацию, обжалование, да хоть президенту писать – неважно. В первой инстанции Матильда дело выиграла, а переигрывать у нас суды очень не любят. С большой вероятностью если вы выигрываете первый раз, вы выигрываете и дальше. И наоборот – тоже.

– Да я... да мы губернатору напишем!!! – опомнилась тетя Паша.

Судья кивнула, разрешая писать хоть губернатору, хоть императору. Кому допишетесь.

Матильда еще раз поблагодарила и почти под руку с тетей Варей вышла на улицу. Ноги подкашивались.

И надо же такому стать?

Петюня!

* * *

Стоит довольный, хоть портрет пиши. А что?

Идеальный мужчина.

Низ – кроссовки. Потом идут растянутые треники цвета подгнившего баклажана, изящное пузцо пятьдесят последнего размера прикрывает майка-алкоголичка, поверх которой небрежно наброшен пиджак. Кожаный, конечно, а то ж!

В зубах – сигарета.

И улыбка на поросычем анфасе.

– Мотя! Привет, зайка! Ну что – довыдывалась? А вот надо было с нами дружить, и алименты мамашке платить бы не пришлось!

Твою дивизию!

Матильда даже ответить не успела – вмешалась тетя Варя.

– Ты чего это здесь расставился, паразит?

Отсутствие карающего веника у оппонента придало Петюне храбрости.

– А что? Хочу и стою!

– Я тебе постою, паразит! Штаны подтяни, а потом к девушкам лезь! А то мамон отрастил – хоть рожай! А туда же, постоять ему! Да тебе только что лежать – в мусорке! И тихо!

– Ты, старая...!

Петюня шагнул вперед.

Дело происходило на пяточке прямо перед дверью, до асфальта четыре ступеньки, а крыльцо-то узкое. Старая постройка, черный ход.

Матильда уже прикинула, как спихивать противника с лестницы, когда из здания суда вырвалась огнедышащая дама.

Тетя Параша летела так, что снесла бы хоть кого.

А дверь-то открывается наружу...

А Петюня как раз и подставился.

Любящая матушка так двинула чадушко дверью, что тот потерял равновесие, споткнулся о случайно выставленную ногу Матильды – и с трубным ревом супербизона в атаке покатился по ступенькам.

Кажется, неудачно.

– Ой! – сказала Матильда.

– Какой ужас! – поддержала тетя Варя.

– Петенька!!! – взвыла тетя Параша – и рванулась за сыном. Женщины едва посторониться успели. И – не удержались, задержались. Как не понаблюдать такую трагедию?

Петюня скулил. Он умудрился стукнуться головой, но это как раз не страшно, голова – это кость. Ей не больно.

А вот сломанная правая рука – уже трагедия. Вы знаете, как неудобно открывать бутылки с пивом левой рукой?

Вы не знаете?

Кошмар!

Матильда и тетя Варя переглянулись, пожали плечами – и удрали, пока тетя Параша не опомнилась. Мало ли что?

* * *

Уже дома, валяясь на диване с Бесей, девушки смотрели «Моя прекрасная леди» и болтали о своем. О женском.

– Думаешь, все обойдется?

– Думаю, что на пару недель душевного спокойствия мы можем рассчитывать, а потом на нас опять пойдут в атаку.

Малена хмыкнула.

– Опять подадут в суд?

– Не знаю. Но пакетик с перцем я в карман положу. На всякий случай.

– Думаешь?..

Малена не закончила фразу. Не хотелось думать о людях настолько плохо. А придется.

– Знаю. Бабушка говорила, что одинокая девушка с деньгами – искушение для любого подлеца. И даже если отобьешься от десятка, на их место придет сотня. Подлец ведь как рыбак, твердо уверен, что десять раз наживку не съедят, а на двенадцатый ему и повезет.

Малена только вздохнула.

– Она у тебя была мудрая.

– Да.

Матильде до сих пор было неприятно вспоминать. Больно.

Лучше было сосредоточиться на приключениях Элизы Дулитл. Она хорошая, с ней весело, и вообще – Бернارد Шоу просто прелесть. Хотя сюжет и неправдоподобный.

Телефон пискнул совершенно неожиданно.

– Малена?

Этот голос девушка узнала мгновенно.

– Да. Здравствуйте, Ольга Викторовна.

– Добрый вечер. Малена, мне пришли результаты анализов.

– Да? И?!

Печальные мысли были отставлены в сторону. Потом, все потом.

– Можно с уверенностью сказать, что локон – вашего предка. Предположительно женщины.

– Интересно...

– Мой знакомый посмотрел еще и ленточку. Говорит, нечто подобное до революции еще делалось, так что локону лет сто точно есть. Может, чуть больше.

– И медальону тогда тоже.

– Да. Кто у вас мог носить инициалы И.И.Б.?

Матильда даже головой покачала.

– Ольга Викторовна, даже не представляю. Может, прапрадед? Если прадеду медальон достался от матери... а никто не сказал, что там была не Ирина Ивановна. Или Инесса Ильинична, к примеру.

– М-да. Ладно, будем копать.

– И нигде не сказано, что во время революции... сколько материальных ценностей тогда хозяев поменяло?

– Много. Малена, а у вас никаких семейных преданий не ходило – на другую тему? К примеру, в семье все врачи были или без высшего образования никого не было...

Матильда честно задумалась. Но кто ж в восемнадцать таким интересуется? Если бабушка что и говорила, все мимо ушей прошло. Вспоминать надо.

– Мне сложно сказать. Я попробую вспомнить, Ольга Викторовна.

– Кстати, а что сказал ювелир? – спохватилась женщина. – Я совсем забыла... закрутилась, уж простите.

– Сама грешна, – вздохнула Малена. – Он почистил при мне механизм и сказал, что медальону лет сто – сто двадцать. Не больше ста пятидесяти.

– Вот, в этом промежутке и будем копать. А клеймо ювелира он не узнал?

– Сказал, что пока не знает. Обещал посмотреть в справочниках, списаться с коллегами. Но это тоже не гарантия, по его словам, хм... революционеры больше всего любили раскулачивать ювелиров.

Ольга Викторовна тоже хмыкнула.

– Да, у бумаги есть один великий недостаток – она легко горит.

– И ни одного Воланда на горизонте, – поддержала шутку Матильда.

– Ладно. У нас есть анализ – родственники. У нас есть сто пятьдесят лет. Есть клеймо. Есть желание узнать истину, так что я буду копать. Мне интересно...

– Даже не представляю, как я буду вас благодарить?

– Ну, к примеру, позовешь в крестные к дочери, – пошутила Ольга Викторовна. – Пока не собираешься?

– Нет.

– А почему так? Или... по личным причинам?

Малена решила не врать. Меньшее, что она может сделать в благодарность за поиск истины, – это развеять скуку своей знакомой.

Бартер.

– Не совсем по личным. Просто ребенок – это расходы и проблемы. Это бессонные ночи, это в детский садик бегать между лекциями, это ночей не спать, когда болеет. Да много всего, как приятного, так и неприятного.

– И?

– Прекрасно, если у меня будет хороший муж. А если нет? Я ведь даже себя пока не прокормлю нормально, я как волк – жива, пока ноги носят. Свалюсь – и мне не выжить. Родив сейчас ребенка, я поставлю свою и его жизнь в зависимость от чужой порядочности. Причем –

без всяких гарантий. Ладно – свою, тут у меня есть все права. А вот по отношению к ребенку это будет подло и гадко. Там у меня не права, а обязанности.

– А брачный контракт?

Смех получился непроизвольно.

– Ольга Викторовна, а вы в это верите?

– Нет. Ты умничка, Малена. Я в твоём возрасте такими категориями не мыслила.

И это было приятно.

Спать Матильда ложилась довольная и спокойная. А почему нет?

Она дома, суд выигран, впереди ждут выходные, завтра они с Давидом Асатиани едут в соседний город развлекаться, да и у Малены пока все неплохо.

К ней в гости собирается Барист Тальфер.

Вот уж воистину – на ловца и зверь бежит.

Так что моську на подушку, Беську под руку, чтобы мурчала, и баиньки. Аллодия ждет!

Мария-Элена Домбрийская

– Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...¹

Кто сказал, что советские шлягеры устарели?

Фиг вам, граждане! Для Средних веков это такое продвинутое будущее, что вам и не снилось! Даешь зарядку!

Малена привычно разминалась. То есть Матильда в теле герцогессы.

Наклоны, приседания, отжимания...

Ей никогда не стать спортсменкой, но можно не запускать себя. Целлюлит – это ведь не происки врагов, равно как и складки на пузе не растут от сглаза и порчи. Просто лень нам зарядку делать, лень.

А уж какой причиной это объясняется... Нет времени, денег, сил, возможностей... Ладно. Верим. Но пузо все равно растёт.

Дернуть за кисточку звонка, вызвать служанку, приказать подать воды. Эх, вот где водопровод-то нужен. И акведуки.

Ладно, живы будем – вспомним бабушкины уроки.

Не то чтобы бабушка Майя пыталась обтесать внучку под себя, просто почему бы и не рассказать внучке про свою работу? А малышке ведь неинтересен сопромат и просадочность грунтов, ей что-то попроще надо. К примеру, про акведуки те же самые, как римляне их проектировали так, чтобы вода сама текла.

Или дороги. Ведь до сих пор стоят, и дороги, и мосты, сколько архитекторов могут похвастаться тем, что их строения ещё двадцать веков переживут? С хвостиком?

Единицы.

Матильде в своё время было интересно. Просто архитектором она становиться не хотела, не под то мозги заточены. Но рассказать Малене она могла. И как, и что, вот посчитать – другой вопрос, а рассказать можно.

Главное – водопровод не из свинцовых труб делать, а то римляне его так и прокладывали. И помирали, не успев толком пожить.

Так... Теперь умыться, протереться губкой и одеваться.

Чистое бельё, ярко-голубое нижнее платье, на нём кружевная серая паутинка верхнего. Просто так Мария-Элена не стала бы изображать траур, но сегодня в гости обещался быть лично королевский стряпчий. Барист Тальфер.

¹ В. Лебедев-Кумач. «Москва майская». (Прим. авт.)

Что ему надо, Малена не поняла. Ответа на ее прошение о встрече с его величеством герцогесса так и не получила. Не предполагать же, что лично королевский стряпчий развозит приглашения? Это по ведомству фантастики и мистики, у него и так работы хватает.

Скорее, Тальферу что-то от нее нужно. И это хорошо, потому что Малене тоже нужно кое-что узнать.

Теперь волосы. Собрать в строгий узел, воткнуть в него гребень, накинуть сверху еще одну кружевную паутинку. Тоже серую.

Вид достойный и страдающий, но одновременно и богатый. Голубое нижнее платье выполнено из шелка, да и кружево здесь товар не ходовой.

Туфельки, улыбку, пощипать щеки, чтобы румянец выступил, – и на завтрак.

* * *

Все те же, все там же, а вот разговоры чуть другие.

Лоран Рисойский на завтраке присутствовал, но сильно за Маленой не ухаживал. Явно готовил какую-то пакость. Зато за шестерых болтала графиня Элинор. Да так, что вставить хоть слово в этот бурный поток возможным не представлялось. Графиня пребывала в эйфории.

Все было чудесно.

Платья чудесные, украшения чудесные, столица чудесная, осталось дожидаться приглашения и поехать ко двору. Тоже чудесному, кто бы спорил.

Матильда прикусывала язык, чтобы не съязвить про «двор чудес», и молчала. Но граф Ардонский умудрился втянуть ее в разговор.

– Малена, может быть, вам стоит взять другую компаньонку?

Девушка подняла брови.

– Простите?

– Беременная вдова в компаньонках у незамужней девушки – это может произвести плохое впечатление при дворе.

Матильда, а именно она перехватила контроль, потому что Малена как цепенела от одного вида Рисойского, так и продолжала цепенеть, дрожать и заикаться, пожала плечами.

– Я вообще считала, что Ровена ко двору не поедет.

– Да? – удивился Астон.

– Ей туда не хочется. И вообще, ей бы полежать, отдохнуть до родов, а не по балам. Да и зачем мне компаньонка? В доме, где живет моя несчастная больная матушка. И где есть ее сиятельство, в честности и порядочности которой...

Графиня Элинор просто расцвела, мол, да, я такая!

– ...не посмеет усомниться и самый подлый из лжецов.

– А ко двору...

– Разумеется, мы поедем сначала с ее сиятельством, а потом уж я выведу остальных.

Граф кивнул. Его такой расклад устраивал. А вот Силанту...

– Ты думаешь, мама не сможет встать?

– Встать – сможет, – пожала плечами Малена. – Ходить – уже не знаю. Дядюшка, что там с моей несчастной матушкой?

От избытка чувств герцогесса даже слезу вытерла, заставив Аманду недовольно нахмуриться. Говорила же, что горчица слишком острая! Надо отругать повара.

Лоран тоже нахмурился.

– Лорена пока еще слишком слаба.

– Это потому, что мы экономим на лекарствах. Говорила же – надо еще троих пригласить, – покачала головой герцогесса. – Тетушка Элинор, если вас не затруднит...

Графиня склонила голову. Разумеется, ее не затруднит.

– Дядюшка мог бы сопровождать тебя ко двору. – Силанта продолжала атаковать. Матильда хмыкнула.

– Сестричка, ты себе как это представляешь? Мы с дядюшкой и до короля-то не дойдем.

– Почему?

– А его раньше убьют, – небрежно пожала плечами Матильда.

Лоран поперхнулся от такой перспективы, и герцогесса едва успела увернуться от винного душа.

– Меня?

– Дядю?

– А что в этом странного? Если наставляешь людям рога, не удивляйся, что тебя ими и забодают.

Сказано было увесисто. Крепко так сказано.

Лоран задумался.

– Вроде бы...

– То-то и оно, что не точно. Кстати, дядюшка, вы завещание уже написали? На всякий случай?

Лоран скрипнул зубами и полез из-за стола. Матильда проводила его нежным взглядом.

– Он так переживает... бедненький.

Астон хмыкнул. Кажется, Лорана приговорили, теперь можно держать пари на его участь.

Отравят, зарежут, случайно кирпич уронят – посмотрим.

– Ваша светлость, к вам королевский стряпчий, – доложил слуга.

Малена бросила салфетку и встала из-за стола.

– Проси в кабинет.

– Да, ваша светлость.

– И прикажи туда же привести борзую.

Лакей поклонился, показывая, что все понял, и исчез. Малена улыбнулась Силанте.

– Кстати, дорогуша, капитан Сетон с утра выходил от твоей матушки.

Развернулась и вышла раньше, чем Силли успела отреагировать.

Силанта хлопнула глазами раз, другой, а потом развернулась и помчалась выяснять, что к чему. И, конечно, не сказала Лорану ни про какие визиты. Не до того!

Тут мужчину уводят, а она про каких-то стряпчих?

Глупости!

* * *

Барист Тальфер уже ждал в кабинете.

Когда вошла Малена, он встал из-за стола, раскланялся...

«Опасный человек».

«Очень, – согласилась Мария-Элена. – Давай пока я с ним поговорю, а если что – ты перехватишь контроль?»

«Давай», – кивнула Матильда.

Что может быть такого опасного в средних лет толстячке, одетом в простую темную одежду? Ни оружия на виду, ни грозного лица – ничего.

Самый обычный лавочник средней руки. И такое впечатление поддерживается, пока ему в глаза не помотришь. А вот потом...

Глаза у Бариста Тальфера темные, яркие и пронзительные. Да, в этом мире рентген изобретет вовсе не приказной подьячий Иван Пушков, это уж точно².

² Старый анекдот. Первым изобретателем рентгена был русский приказной подьячий Иван Пушков. Так жене и говорил

Герцогесса приветливо улыбнулась.

– Я рада вас видеть, господин Тальфер. Ваш визит – большая честь для меня.

– Что вы, ваша светлость. Наоборот, я благодарен вам за любезность.

– Кто же может отказать правой руке его величества? – краешками губ улыбнулась

Малена. Мол, при чем тут любезность.

Тальфер намек понял.

– Вы преувеличиваете мою значимость, ваша светлость. Я всего лишь скромный стряпчий.

– Королевский.

Теперь настала пора улыбнуться Тальферу.

– Я был поверенным вашего отца, ваша светлость. И оглашал его завещание.

Малена вздохнула. Осенила себя святым ключом и приняла как можно более постный вид.

– Мой несчастный отец. Я так страдаю...

Слова говорили одно, выражение лица – совсем другое. Барист понял, что ему предлагают быть чуточку откровеннее, и решил попробовать.

– Думаю, десятилетняя разлука слегка утишила ваши страдания, ваша светлость?

– В монастыре я молилась за моего отца каждый день. Фактически он постоянно присутствовал в моей жизни. – Герцогесса и глазом не моргнула.

Барист хмыкнул.

– Матушка Эралин упала в ноги архону. Реонар Аллийский – мой друг, поэтому я узнал об их беседе и решил предупредить вас.

Малена скрипнула зубами и передала управление Матильде. Дальше уже пошел достаточно неприятный разговор, герцогесса смущалась бы, а вот Матильда могла говорить на любые темы, даже на самые интимные.

– А что? Читали мы ту «Камасутру»!

– Догадываюсь о чем. Меня уже совратили?

Барист улыбнулся.

– Матушка Эралин подозревает вас в тайном браке. Если дойдет до короля...

Матильда пожала плечами.

– Я могу подвергнуться любому осмотру. И наглядно доказать свою невиновность.

Барист мог бы сказать что-то еще, но тут в дверь кабинета поскреблись. И слуга ввел очаровательную белую шемальскую борзую, которая тут же тявкнула, совсем как щенок, вырвалась из рук лакея и помчалась к Тальферу.

А то ж!

Друзья не должны сидеть необлизытыми, это непорядок!

– Ирис?

Барист был искренне удивлен. С него даже маска любезного стряпчего упала – на минуту. И девушки лишней раз убедились в своем уме. Такой волчара, даром что толстый.

«Отожравшийся».

«На придворных харчах?» – предположила Малена.

«Нет. Просто – на придворных. На завтрак, обед и ужин».

Собака была полностью согласна, что она – Ирис. И лизалась вдоль и поперек, пока Тальфер не отстранил ее.

– Ну, хватит, хватит, девочка...

Матильда кашлянула, привлекая к себе внимание.

– Вы не хотите забрать их к себе, господин Тальфер?

– Их? – тут же поймал намек Барист.

– Их. Пойдемте со мной, господин скромный королевский стряпчий.

Матильда позволила себе легкий укол, но Барист не обратил на это никакого внимания. Знал он и борзую, и ее хозяина, и... Варс? Он здесь?

Но почему?

Как?

Рука мужчины легла на скрытую кнопку в рукояти трости. Одно нажатие, и деревянные ножны отлетают в сторону, а в руке у него окажется клинок. Все какой-то шанс, если сейчас его ведут в засаду. И первый удар достанется герцогессе.

Но герцогесса не боялась. Она мило улыбалась и шла вперед по коридорам. Кивала в ответ на поклоны слуг, улыбалась...

– Мария-Элена?

Матильда аж зубами скрипнула. Вот черти принесли Рисойского, точно.

Нет в этом мире чертей?

Неважно! Шервули постарались! Но не ругаться же... о! Придумала!

– Дядюшка, у нас проблема.

– Да?

– Господин Тальфер оказался так любезен, что приехал лично. Из уважения к моему отцу... что у нас там полагается за совращение дворянки?

– Отсечение. Под корень. – Тальфер не понял, в чем смысл, но красавчики ему были просто решительно неприятны. А Рисойский – вдвойне. И красавчик, и сволочь редкостная. Убивать пора.

– Вот-вот, отсечение корня. Матушка Эралин бросилась в ноги архону. Кричит, что меня совратили, и требует... того. Отсечения.

Лоран непроизвольно прикрыл корень.

– Но я же...

– Матушке лучше знать, – наставительно заметил Тальфер, наслаждаясь спектаклем. Лоран сглотнул, но потом приободрился.

– Что ж, как честный человек я готов жениться.

– Как честная девушка не могу согласиться. Давайте сперва определимся с корнями, – парировала Матильда. – А то говорят, это больно. Кто-то и помирал в процессе отсечения.

– Я давно знаю архона, – вступил Барист. – Думаю, если вы напишете ему свое прошение, я смогу вручить его в ближайшее время.

Лоран тряхнул волосами.

– Но...

– Дядюшка, вы можете сомневаться в моей чести? – в голосе Матильды звучала самая искренняя обида.

Лоран вспомнил таз, свинью, потом Винель...

Сомневаться?

Интересоваться, откуда опыт. И сколько там выживших покушавшихся, так вернее.

– Господин Тальфер, вы у нас надолго?

– Полчаса, может, чуть больше, – всем своим видом Барист говорил, что не успевший – опоздает. Лоран намек понял.

– Что ж, не буду терять времени.

Роскошный мужчина скрылся в одной из комнат.

Малена и Барист переглянулись.

Смеяться они не стали. И друзьями в мгновение ока не сделались, но доверять друг другу начали на чуточку больше. Общие враги – они сближают.

* * *

Варсон Шефар бредил вот уже четвертый день. Иногда приходил в себя, но ненадолго, и опять впадал в забытие.

Матильда тут сделать ничего не могла.

Промыть рану – да.

Разогнать горе-лекарей и оставить того, кто мог не угробить пациента, – да.

Запретить кровопускания и вместо этого поить больного отварами жаропонижающих, крепким бульоном и красным вином – тоже да. А что еще-то можно сделать?

А ничего.

Молиться.

Помогало плохо, и Матильда уже прицеливалась на изобретение ляписа. Хотя бы! Серебро, азотная кислота, и вот тебе водный раствор нитрата серебра. Хоть какая-то бактерицидная дрянь будет.

При виде герцогессы лекарь, сидящий в кресле, встал, поклонился:

– Ваша светлость.

– Господин Луар. Как больной?

– По моим представлениям, через день-другой надо ждать кризиса. Тело либо переборет заразу, либо... Боги милостивы. Но гниения я пока не вижу.

Матильда вздохнула.

– В себя он пока не приходил?

– На пару минут. Требуется некоего Риста.

Барист Тальфер скрипнул зубами. В тишине комнаты скрежет прозвучал полноценной электропилой.

– Давно он здесь?

На эти вопросы Матильда ответить могла, и легко. «Отослала лекаря и принялась рассказывать. Катались, подобрали, рассказали, лечим. Да, и вас он не первый раз требует. Хорошо, что вы сами пришли».

Барист задумался. И что теперь делать?

Восьмипалый его знает, что делать! Разве что довериться герцогессе – и надеяться, что чутье не подведет? Хм, а у него есть выбор?

Выбора не было.

Совсем не было.

Герцогесса уже многое знает. Может она быть в рядах заговорщиков? Вроде бы не должна. Но мало ли?

А в таком случае он все равно пропадает. Слишком много она знает, слишком многое можно было вытряхнуть из Варсона. Да и Рисойский...

Барист вздохнул – и решился еще раз довериться своему чутью. Уж сколько раз он так поступал и ни разу не прогадывал. Карьеру при дворе не сделаешь на одних финансовых талантах, надо еще знать, с кем дружить, кого топить...

Барист это печенкой чуял.

Герцогесса казалась ему неувовимо странной, но не злой. Неглупой и преследующей свои интересы. Но кто из нас так не поступает? Люди могут делать добро, да, только не в ущерб себе. Вот Мария-Элена таковой и была.

Она не станет его предавать без веских причин. Нет, не станет.

Барист коснулся лба друга.

Отметил и покои, хорошие, уютные, гостевые, и чистое белье на Варсоне, и его спокойный вид, и лекарственные настои на тумбочке рядом... нет, друга не удерживали здесь насильно. Такое не спрячешь, не скроешь.

– Скажите, вы можете оставить Варсона у себя?

– Его зовут Варсон?

– Да, Варсон Шефар, ваша светлость.

– Ну хоть имя узнали, и то дело. Он ведь молчал, только вас требовал. Если бы вы сами не написали, я бы нашла возможность к вам попасть. Во дворец.

Барист вздохнул.

– Ваша светлость, так вы его приютите? Мне просто некуда...

Матильда сдвинула брови.

– А вы мне расскажете, что может угрожать моему дому, если о Варсоне узнают... кому не надо?

Барист понял, что рассказать придется.

– Да, ваша светлость, но это долгий и серьезный разговор.

– Можем поговорить прямо здесь, господин Тальфер?

– Я бы предпочел более открытое место. Где нас никто не сможет подслушать. Некоторые разговоры...

– ...сами собой переходят в приговоры?

Тальфер кивнул. Хорошо, когда тебя правильно понимают.

– Да, ваша светлость.

– Тогда могу вам предложить только беседку в парке. По случаю осеннего времени она вся облезла, мы будем как на ладони, но и любой, кто захочет к нам приблизиться, – тоже.

Разумеется, Барист согласился.

* * *

В беседке Малена подстелила на скамейку предусмотрительно захваченный из дома плащ и уселась на него. Тальфер опустил на противоположную скамью.

– Ваша светлость, за этого человека вас могут убить. Если узнают, что вы дали приют Варсону.

– Вот как?

– Он что-то рассказал вам?

– Нет. Не успел. Хорошо хоть, сучке отдал приказание, а то бы загрызли ни за понюх табаку, – вздохнула Матильда, перехватившая управление.

Барист опустил голову.

– Да, ваша светлость. Страшно сказать, но в Аланее зреет заговор.

– И о чем нынче заговариваются?

– Об убийстве. Короля и принца.

Матильда хмыкнула.

– Нескромно. А получится ли?

– Не знаю. О заговоре стало известно лишь то, что он есть. Варсон шел по следу, но...

– Только он один?

Барист развел руками.

– Ваша светлость, я могу говорить с вами откровенно потому, что вы недавно прибыли в столицу. А до того жили в монастыре.

– Ага. И в таком, в котором заговоров не отмечено, – согласилась Матильда. – Наоборот, одна из самых строгих обителей.

Барист вздохнул и развел руками.

– Ваша светлость...

– Мария-Элена. Я даю вам разрешение называть меня по имени.

– Благодарю, Мария-Элена.

– Но влезать в эти интриги не хочу.

– Но вы в них уже влезли.

– Пальцем. А не двумя ногами, как вы собираетесь меня втянуть, – прищурилась Матильда. – Давайте сначала решим, что вы хотите мне предложить и чего хотите от меня. А потом уж...

– Мария-Элена, – голос Бариста был даже укоризненным, – в таких делах посторонним ничего не рассказывают.

На Матильду это не подействовало. Ни на грош.

– Вариант – поди туда, не зная куда, сделай то, не зная что? Простите, мне еще жить охота.

Барист скрипнул зубами. Но...

– Я хотел бы, чтобы вы заняли его высочество. И были рядом с ним какое-то время.

Матильда хмыкнула.

– Его высочество Найджела. Который известен своей любвеобильностью. Господин Тальфер...

– Барист, если вы пожелаете, Мария-Элена.

– Барист, за кого я потом замуж выйду? За дядюшку?

– Его высочество сможет вас защитить.

– А от него меня кто защитит?

– Его невеста. Дилера Эларская должна прибыть со дня на день.

Матильду и это не убедило. Ибо примеров в истории – ложкой ешь. И жена, и любовница, и еще погуливать умудрялись. Стоит только Людовика Четырнадцатого вспомнить. И ведь хватало у мужчины потенции!

– И заодно от его невесты.

– Умная женщина всегда знает, когда стоит отойти в сторону.

– Вот это я могу и сейчас сделать, – хмыкнула Матильда. – Чисто теоретически.

Барист вздохнул. И может, и не надавишь. «Значит, торговаться будем».

– А что вы хотите?

Матильда понимала, что требовать много не стоит. Но и мало – тоже.

– Я правильно понимаю, что его величество меня не примет?

– Его величество сейчас болеет и никого не принимает.

– Кто утвердит мои права на наследство?

– Его высочество может это сделать.

Матильда хищно улыбнулась.

– Вот и отлично. Я хочу, чтобы меня признали наследницей моей матери с правом передать титул герцога Домбрийского любому из детей по моему выбору.

– Детей – от кого? – ухватил ниточку Тальфер.

– Надеюсь, что не от Рисойского. Я побуду рядом с принцем и пригляжусь к придворным.

Возможно, кто-то окажется разумным человеком, и мы договоримся.

– То есть найдется человек, которого вы полюбите?

– Любовь, – насмешливо хмыкнула Матильда. – Давайте не будем о грустном. В монастыре я насмотрелась на любовь, ее плоды и последствия. Мне хватило. Я сказала то, что имею в виду. Человека, союз с которым будет нам взаимовыгоден.

Барист намек понял.

– Я могу помочь вам найти такого человека.

– Действуя в интересах государства, но не забывая и о моих. Игрок, пьяница, кутила мне не подойдут. И хотелось бы, чтобы мой муж мог сделать детей и воспитать их. Сохранить и удержать их наследство.

Запросы были разумными, и Барист посмотрел на девушку совсем другими глазами. Любовь?

Сия роскошь не для герцогессы Домбрийской.

А если уж заглянуть в душу... Мария-Элена действительно любила, но Антона Владимировича в Аллодии не будет никогда, а кто-то другой... не все ли тогда равно?

Ладно. Не все равно. Но выбора-то нет.

– Я займу принца, – ухмыльнулась Матильда. – И удержу его внимание. А взамен вы добьетесь моего признания. И поможете мне с брачным контрактом, господин стряпчий.

Читай – «Брак будет с выгодой и для меня, и для короны, но на моих условиях. И взаимовыгодным. И ты этого добьешься».

Барист не возражал. Условия были весьма демократичными.

– Я могу устроить вашу встречу с его высочеством. В любой момент времени, когда вы пожелаете.

Матильда прикинула по срокам. Да, до завтра она должна справиться.

– Завтра вечером? Можно послезавтра утром.

– Да, пожалуй, послезавтра утром я смогу... я пришлю вам приглашение во дворец.

– Буду ждать, – согласилась Матильда.

Главное было сказано. Теперь обеим высоким договаривающимся сторонам требовалось время на подумать и осмыслить. А потому Барист еще раз навестил друга, убедился, что Варсон так и не пришел в себя, и откланялся.

Лоран едва успел поймать его перед уходом и вручить свиток с прошением. А Матильда упала на кровать в своих покоях и передала контроль над телом Малене.

– Лучше б я уголь грузила!

– Тильда, ты была великолепно, – не поскупилась на похвалу Малена.

– Нет. Все можно было повернуть намного лучше, – не согласилась Матильда. – Но эта добыча не по нашим зубкам, сестренка. Он растерялся, не ожидая увидеть здесь своего друга. И только потому разговор вообще состоялся.

– Как ты думаешь...

– Что происходит? Ну, исходя из опыта нашего мира, я бы сказала, что болезнь короля очень подозрительно выглядит в сочетании с заговором.

– Ты думаешь, – Малена едва справилась со страшными словами, – короля кто-то может... отравить? Или ранить?

– Короли тоже пьют, едят и в туалет ходят, – пожала плечами Матильда. – Знаешь, сколько королей у нас вилами давилось? Не говоря уж о грибах. Тогда логично желание подвести тебя к принцу, может быть, его тоже хотят отравить.

– А меня не отравят?

– А мы будем думать и разбираться.

– Тильда, а чем ты хочешь занять его высочество?

– Тем, что ему интересно, Малечка. Мы вместе с тобой беседовали с сотрудником департамента Дознания. Что волнует Найджела?

– Игры. Вино. Женщины.

– Карты. Деньги. Два ствола...

– Тильда?

– Слава, Малечка, слава. Как ты думаешь, если принц изобретет свою игру, принципиально новую...

– И какую?

– Да люблю. Шашки и шахматы нам не подойдут, там думать надо, а элемента риска нет. Карты я не люблю, разве что преферанс. Может, покер попробовать? Ладно, на всякий случай изготовим колоду. А вообще, я собиралась сделать самые простые нарды.

– Нарды?

– Ну да! С одной стороны – расчет, с другой – элемент риска. И предложить его высочеству выдать эту игру за свое изобретение.

– Благородный человек на такое не пойдет. Никогда.

– Заодно и благородство проверим.

– Матильда, ты просто... у меня слов нет!

Матильда улыбнулась.

– Малечка, скажи спасибо, что я не предлагаю камеру-обскуру.

– А что это такое?

Матильда вздохнула и коротенько описала, что имеет в виду. Коробка. Линза. Луч. И можно тот же ляпис. Он темнеет на свету, вот если пропитать бумагу...

Мария-Элена задумалась.

Решено было этой ночью посмотреть все в интернете, а оказавшись опять в Аланее, найти все составляющие. Мало ли?

Вдруг да сработает?

Принца надо занять? А кто сказал, что это можно сделать только с помощью секса? Умом надо, умом! И знаниями.

Доступных девушек много, а умных – мало. Как это ни печально звучит.

И девушки направились к Аманде.

Надо ехать, заказывать доску для нардов, фишки, кубики, заготовку для обскуры, хотя бы самой примитивной... Если бы речь шла о просто мальчишке – тут любой материал сойдет, хоть от руки рисуй. Но принц ведь!

Серебро-золото надо, и лучше с драгоценными камнями.

Ладно, с камнями перебьется, а остальное... сделаем!

* * *

Барист Тальфер в это время думал о герцогессе.

И думал он в таком ключе...

Интересная девушка, очень интересная. Не ждешь от женщин такого ума, расчетливости, цинизма даже. Можно ли это использовать?

Нужно!

Надо ее еще проверить, но если она действительно такова...

Остеон не сможет произвести на свет еще одного наследника. Сможет Найджел. И если Мария-Элена Домбрийская с ним справится...

Старая фамилия, достойный род, минимум союзников – Томор всех распугал, до кого добрался, отличная репутация, Рисойские хоть и подгадили, но герцогу, не его дочери...

Против такой королевы никто и слова бы не сказал.

Но что скажет сама герцогесса?

Барист представил перед собой девушку, увидел внимательные серые глаза, светлые волосы, стянутые в узел... И словно наяву услышал: «Корона? Никогда!»

Значит, придется уговаривать.

Свиток с прошением Рисойского лежал неподалеку. Надо и правда захватить к архону. Барист ведь не лгал насчет матушки Эралин, ни минуты не лгал. И бросилась, и принялась жаловаться, что совратили девушку, запугали, та слово сказать боится...

Что-то сейчас Баристу в это не верилось.

Бойтся?

Э, нет. Не считает нужным говорить, не доверяет, не... да что угодно. Но не бойтся. Барист мог только посочувствовать матушке-настоятельнице.

И все же, что случилось с Варсом?

Хоть рассказывал бы, паразит! А то: «Я напал на след!» Да, а след напал в ответ! И кто теперь выживет – неизвестно.

Вот, заодно и помолиться.

Хоть и знал Барист всю эту храмовную кухню изнутри, а все же...

Боги-то есть. Пусть они помогут Варсону выздороветь.

Глава 2

Рид, маркиз Торнейский. Аллодия, крепость Ланрон

На войско Хурмаха Рид смотрел с заметным оптимизмом.

Он – выпался!

Впервые за все это время, впервые с той поры, как вышел из Равеля, – он выпался.

Его даже не будили. Шарельфу Лоуселю хватило рассказов Рангора, Эльтца, Грейвса... Лоусель был впечатлен? Нет. Он был в глубоком шоке. Он не мог поверить, принять и осознать это безумие.

Пятьсот человек.

Всего пятьсот человек прошли по занятой сорока тысячами степняков территории, разнесли в клочья примерно тысяч десять, захватили крепость, пришли к нему...

Осталась самая малость. Продержаться еще, на этот раз против всего войска степняков. Не трех-пяти тысяч, а тридцати.

Риду такие мелочи были безразличны. Он пролежал практически без сознания почти два дня, Джок бил на совесть.

Стив, Джок... скольких унесла эта война, скольких унесет... нигде не сказано, что и сам он выживет. Но разве можно отказываться от своего призвания?

Кто защитит эту землю, если не я?

Сейчас Рид стоял на стене и поглядывал вниз. Туда, где под солнцем влажно поблескивала боками тяжелая плита.

Бой рано или поздно заканчивается, и начинается рутина. Павших надо похоронить, раненых перевязать, трофеи собрать...

Пока Рид лежал в беспамятстве, Шарельф успел договориться со степняками. Они подходят к стенам и собирают своих убитых.

Его люди также выходят из крепости за убитыми.

Трофеев ни у кого нет, но похоронным командам не мешаем. А то ведь арбалеты далеко бьют, вас и со стен достать можно.

Степняки оценили благородство предложения и согласились.

Сейчас тела героев лежали в храме Ланрона. Там же они и будут захоронены, все, кто пошел подрывать подземные ходы. Все до одного.

Джок в смерти казался почему-то еще больше. Обычно человек как бы съеживается, но этот мужчина был настолько спокоен и величественен, что становилось страшновато даже своим, что уж там говорить о врагах?

Под каждой крепостью есть нечто вроде колумбария, только хоронят там не урны с прахом, такого обычая на Ромее не было, а сами тела. Замуровывают в стены, с оружием, чтобы и после смерти души воинов хранили свой дом, как при жизни.

Это честь. И достаиваются ее далеко не все из тех, кто лег на поле боя.

Рид с утра присутствовал на службе.

Честно стоял, слушал молитвы, а в голове крутилось совсем другое.

Вот дядюшка Стив сажает его на пони.

– Не бойся, мальши!

– Я не мальши!

– Тем более не бойся!

И бояться после этого как-то даже и стыдно.

Вот дядюшка Стив отвечает ему крепкий подзатыльник.

– *За что?*

– *На дуэли дрался?*

– *Да...*

– *Почему не добил противника? Я же тебя учил – не оставлять живых врагов!*

Вот Джок. Здоровущий, веселый, выходящий из общего строя: «*Меня пиши, маркиз*».

И совсем не верится в их смерть.

Разве они могут умереть?

Конечно, нет. Они будут жить, пока жива Аллодия.

В войске Хурмаха затрубили звонко и гулко рога. Рид прислушался.

Хурмах приглашал на переговоры.

* * *

Первоначальные намерения у кагана были совсем другие.

Убить их всех!

Взять крепость штурмом, сровнять с землей, растереть в порошок негодяев, которые посмели ему противостоять! И не только противостоять.

Они сделали из кагана посмешище, иначе и не скажешь!

Сорок тысяч человек гоняются за пятьюстами, при этом теряют малым не десять тысяч! Позорище!

Но сдаваться Хурмах не собирался. А переговоры... на них идут с разными целями.

А еще в Степи это целый ритуал.

Ставятся навес, кладется на землю белая лошадиная шкура, ставятся чаши с вином, блюдо с хлебом, небольшая ритуальная жаровня. Сказанные здесь слова слышат боги. А как они карают за клятвopеступления...

Страшно. Фантазия у богов хорошая, раз уж они человека выдумали.

Степняки лично занимались обустройством, аллодийцам не доверили. Что они знают, эти варвары? Весь ритуал испохабят.

Спустя час калитка в крепости приоткрылась. Из нее вышли двое и направились к све-жеустроенному навесу, рядом с которым не осталось ни одного степняка.

Рид и его спутник, Ансуан Вельский. Граф наотрез отказался отпустить командира одного на переговоры и потребовал себе должность знаменосца. Убить было проще, чем отказать.

Хурмах себе не изменил.

Каган – и пешком? Да вся Степь смеяться будет! Только на коне, как завещали предки, только со свитой. И обязательно в золоченой одежде.

Рид оборванцем не выглядел, но если сравнивать – они сошлись, павлин с вороной. Торнейский совершенно не смотрелся на фоне кагана, но это до поры. Пока Хурмах не подъехал и не попробовал взглянуть сверху вниз.

– Ты! Черный волк!

Рид даже ругаться не стал. Просто поднял голову, пристально поглядел в глаза кагану и зевнул. Да так, что волки позавидовали бы шикарному оскалу. И показалось кагану – или нет?

Блеснули на миг за губами маркиза острые волчьи клыки, блеснули – и исчезли?

Морок? Или – явь?

Хурмах рвано выдохнул и спрыгнул с коня.

– Торнейский.

– Ваше величество.

Хурмах чуть приосанился. Все же его признали, а от врага признание получить всегда лестно. Друзья польстят, приближенные солгут, а вот враги... от них скорее меча в бок дождешься, чем признания. Тем более от такого врага, как Черный волк.

Двое мужчин одновременно ступили на белую шкуру. Черный сапог – и раззолоченный, весь покрытый драгоценным шитьем и украшенный камнями. Еще один шаг, и мужчины устриваются друг напротив друга, подвернув ноги, глядя глаза в глаза.

Рид начинает первый, как младший по званию. Ритуал он знает досконально, не первый год на границе, не первый год разговаривает со степняками. Маркиз отламывает кусок хлеба от общего каравая, медленно, напоказ проводит им над жаровней так, что огонь получает свою долю, обмакивает в вино, отправляет в рот.

– Хлебом, зерном и вином, на этот час между нами – мир.

Я разделяю с тобой хлеб и вино. Я тебе доверяю.

Хурмах зеркально повторяет его действия. Такие клятвы в Степи не нарушаются.

Несколько минут мужчины молчат, потом начинают говорить.

– Ты мешаешь мне, – достаточно мирно произнес Хурмах. – Я был бы уже в Равеле, если бы не твой отряд.

Рид пожал в ответ плечами. Вины за собой он не знал, он в своем праве.

– Равель – это Аллодия. Это не степь. Ты пришел на мою землю.

– Вы слабы и не можете ее удержать.

– Пока что мы тебя удержали.

– Не войска короля. Ты со своими людьми.

– Это одно и то же.

– Волк может охранять стадо. Но что делать, если остальная охрана – зайцы? Разорваться?

– На сотню волков и вцепиться в глотку врагу, – кивнул Рид.

Идиотский вопрос.

Зайцы, лисицы... все он понимает, и в другом состоянии даже поговорил бы часика два на отвлеченные темы. Но здесь и сейчас – неохота.

Просто – не хочется.

– Ты уйдешь с нашей земли?

– Нет, – пожал плечами Хурмах.

– Тогда для чего ты все это затеял?

– Ты можешь умереть, а можешь сдать. – Когда ему хотелось, каган отлично умел говорить без красивостей и завитушек.

– Сдаться, а потом умереть?

– Хм-м... обещаю тебе жизнь, если сдашься.

Рид насмешливо фыркнул.

Жизнь?

О да! К примеру, с отрубленными руками и ногами. Или в клетке на цепи. Или в качестве раба... да все возможно.

Жизнь?

А она нужна – такая жизнь?

Рид знал, сколько народу ответило бы: «ДА!!!» Это – жизнь! И плевать, что это желание жить даже на коленях. А вот жить человеком и умереть человеком...

Это намного сложнее. Простые люди и не думают о таком, но в том и отличие аристократа от холопа. Титул ведь не только за красивые глаза и право рождения дается, его твои предки кровью брали.

И Рид твердо был намерен встать с ними в один ряд. Он-то предками гордился, оставалось сделать так, чтобы они им не побрезговали.

– Моя жизнь на кончике моего меча, приди и возьми, если не побоишься.

Хурмах недобро усмехнулся.

– Твоя – да. А как насчет Шарлиз Ролейнской?

Рид на миг запнулся.

– Она у тебя?

– Клянусь копытами Кобылицы.

Эту клятву – именем своей богини – степняки не нарушали.

За спиной Рида выдохнул Ансуан Вельский. А маркиз даже бровью не шевельнул. Да, его невеста. И что дальше?

Он ее даже в глаза не видел никогда, на улице не узнает, мимо пройдет.

– Что ты хочешь за ее жизнь и свободу?

Хурмах прищурился.

– Жизнь за жизнь. Это ведь твоя невеста, тебе ее и выкупать.

Рид медленно покачал головой:

– Нет.

– Мне бросить ее голову к стенам крепости перед штурмом?

Рид хмыкнул.

– Твое право. Только голову или по частям девушку нарежешь?

Взгляд Хурмаха замаслился, и Рид облегченно выдохнул, правда, про себя.

Ничего Шарлиз не угрожает.

Каган жесток, но женщин, которые побывали у него в постели, сразу на расправу не выдаст, сначала удостоверится, что те не понесли. С этой стороны Шарлиз ничего не угрожает.

– Могу и по частям. Тебе левую ручку, правую?

– Любую, – махнул рукой Рид. – Я сдаваться не стану и крепость не сдам. Еще предложения есть?

– Ты можешь стать моим кал-раном. Ты достоин.

Хурмах понимал, что Торнейский не согласится. Но не использовать этот шанс?

Предательство – или смерть? Для кагана выбор был очевиден, для Торнейского тоже.

Меткий плевком зашипел в жаровне.

– Ты оскорбляешь мою кровь, каган, – с угрозой произнес Торнейский. – Если на то будет воля богов, ты заплатишь кровью.

За такое святотатство маркиза стоило бы разорвать лошаадьми, но здесь и сейчас молчали даже жрецы. Черный волк был в своем праве.

Кагану не стоило такое предлагать.

– Мы посмотрим на волю богов – завтра. – Хурмах был уверен в своей победе.

– Посмотрим. Ты все сказал?

Хурмах медленно опустил веки, показывая, что да, все.

– Тогда слушай мое слово. Или вы уйдете, или мы разобьем ваше войско, освободим пленников, а тебя я лично повешу на воротах, живого или мертвого.

Лицо кагана отвердело.

– Это твое последнее слово, Волк?

– Да.

– Тогда умри здесь.

Рид фыркнул. Его не удивило бы, решился каган ударить здесь и сейчас, но – нет. Хурмах просто поднялся со шкуры, развернулся и направился к своим. Рид поступил так же.

Час они друг друга не тронут, и этот час почти закончился.

Интересно, Хурмах сегодня пойдет на штурм? Или даст своим войскам отдохнуть?

Рид посмотрел на солнце, которое клонилось к горизонту.
Выспаться бы. Еще хоть одну ночьку...

* * *

Хурмах с удовольствием пошел бы на приступ сразу же.

Увы.

Степняки – не регулярные войска. Им надо остановиться на ночлег, отдохнуть, позаботиться о конях, выспаться и поесть. А на штурм можно и с утра.

Хурмах это отлично понимал, а потому позвал к себе Шарлиз Ролейнскую. Он тоже использует эту ночь с толком. И – нет, вовсе не для любви.

Принцесса прилетела словно на крыльях, поклонилась... Хурмах кивнул ей на подушку, на которую и опустилась девушка.

– У меня к тебе есть разговор.

– Мой повелитель...

– Молчи.

Шарлиз поглядела на Хурмаха, который расхаживал по шатру, на его лицо – и замолчала. Ей памятна была первая ночь с каганом. Сейчас она такого не выдержит, просто не сможет. Если будет кровотечение, выкидыш... умирать ей решительно не хотелось, а потому помолчим, как приказано.

Наконец Хурмах медленно заговорил:

– Ты принцесса, ты должна понять. Завтра мы с Торнейским сойдемся в бою. Воля богов мне неизвестна, победим мы или проиграем, останусь я жив или моя душа поскачет к звездам...

Шарлиз молчала.

А что, ей же приказано, вот и молчит. Да и все восклицания будут выглядеть безумно фальшиво. Сейчас это не к месту.

– Ты – моя жена. Твой ребенок может удержать Степь.

Хурмах не хотел думать о смерти, но...

Если завтра его не станет, что начнется в Степи? Да привычная грызня за власть! И кому это надо?

Точно не ему, он больше двадцати лет потратил, объединяя всех в один кулак.

Если завтра он выиграет – он пойдет вперед. Если проиграет... лучше ему погибнуть в бою, все равно убьют, только более медленно и мучительно. И что ему остается?

Бросить кости самостоятельно, так-то.

К примеру, отдать этой женщине бумаги об их браке и несколько символов. Нагрудный знак, церемониальный скипетр, сделанный из конской кости и оправленный в золото, такой же церемониальный кубок...

А еще приставить к ней людей. Надежных, тех, кто поможет сбересть его сына.

Почему Шарлиз и ее дитя? Не кто-то из тех, что ждет в Степи?

Потому что этого ребенка признают все остальные страны. Это важно.

Хурмах снял со стола ларец и поставил перед Шарлиз.

– Здесь коронационные регалии. Кубок, скипетр, знак. Их получает каган Степи. Ты должна будешь вручить их нашему сыну. Тут, в ларце, двойное дно, там мое завещание. К нашему сыну перейдет мой престол.

– А если родится девочка?

– Передаст по крови. Внуку, – отмахнулся Хурмах. – Но для этого ты должна будешь доносить и вырастить ребенка.

Вот тут Шарлиз была полностью согласна и закивала.

– Бурсай ты знаешь. Оставь ее при себе. И Рохсай тоже. Эти старухи большие знатоки ядов.

Шарлиз поежилась. Но знания-то полезные...

– Да, господин.

– Еще я приставлю к тебе четырех воинов. Даже если я умру, а тебя вернут к отцу, оставь их при себе. Они полукровки, они похожи на вас, круглоглазых, но оружием они владеют как мы. Они тебя сэберегут от любой опасности, да и ребенка научат владеть оружием.

Шарлиз слушала внимательно.

Она могла любить или ненавидеть Хурмаха, но здесь и сейчас речь шла о ее будущем. Вдова короля Степи – или шлюха степняка, разница ощутимая.

– Они об этом знают, мой господин?

– Да. И в Степь вам хода не будет... не слишком быстро.

– Почему, мой господин?

Хурмах сказал чистую правду:

– Потому что мой ребенок будет мишенью для стрел. И ты, как его мать, – тоже. Если я умру, тебя просто удавят, еще до родов.

Шарлиз схватилась рукой за горло, словно уже свивалась на нем шелковая петля удавки, скользила, готовясь затянуться.

Каган не шутил, ничуть не шутил.

– Нет...

– Поэтому слушай меня. Если завтра меня не станет, ты будешь знать, как действовать.

И Шарлиз слушала. Внимательно, серьезно, понимая, что от этого зависит ее жизнь. Да и не было дураков в ее роду. Ни Самдий, ни Элга не были глупыми. Сволочами – да! Но не глупцами, и Шарлиз не в кого было вырасти глупой. А разврат... так не во вред же себе!

Что приготовит ей следующий день, Шарлиз не знала. А потому запоминала каждое слово: имена, адреса, все, что надо было сказать... она еще скорректирует планы под себя, еще поборется, но это потом, потом...

Сейчас – будь внимательна и все запоминай.

Хурмах отпустил ее за полночь, и Шарлиз провалилась в сон, как в обморок.

* * *

А вот маркиз Торнейский столь тонкой душевной организацией похвастаться не мог. Он попросту спал.

Крепко, сладко, с головой укрывшись одеялом.

Во сне он видел маму, видел Мелиссу, видел отца – не маркиза, конечно, а его величество Арреля, видел дядюшку Стива и Джока...

Это был хороший сон.

Его не винули ни в чем.

Ушедшие смотрели на него, и в их взглядах он не видел осуждения, которого так боялся. Он повел их на смерть, но и сам пошел. И они пошли за ним добровольно.

Джок протянул ему ладонь и подмигнул – позаботься о моих, маркиз.

Стивен на мгновение обнял, а потом отстранился и пошел вверх по лестнице, сотканной из звезд. Весело, небрежно насвистывая и привычным движением придерживая эфес. Кажется, он собирался проверить, есть ли там вино и девочки. Найти – или завести?

К добру это?

К худу?

Вот еще толковальщиком снов Рид не нанимался. Но в одном он был уверен абсолютно. Родные и близкие никогда не приснятся к чему-то плохому. Для этого и врагов достанет.

Матильда Домашкина

Бывает такое в детстве.

Ты просыпаешься с предвкушением чего-то хорошего, праздничного, и ощущение у тебя такое... ты еще не помнишь, что хорошее должно случиться, но что оно случится – ты уверена.

В детстве.

Во взрослой жизни чаще ждешь всяких пакостей.

Матильда открыла глаза и потянулась. Рядом недовольно мурлыкнула Беська, выпустила когти: «Ты что, с ума сошла, человек? Я так хорошо на тебе устроилась, а ты тянуться решилась? Это что за потрясение основ?»

– Беська, я где-то читала, что кошки выделяют феромоны. Типа валерьянки. И человек на них подсаживается, – доверительно сообщила Матильда кошечке, почесав ту за ухом. – Это чтобы вас, блохастых, не повыбрасывали на фиг!

Беська пренебрежительно чихнула и развернулась к Матильде попой, наглядно демонстрируя свое мнение об ученых с их теориями.

– Мы сегодня едем с Давидом развлекаться!!! – подала голос Малена.

– Отлично! – поддержала Матильда. – Тогда – на зарядку?

– Ы-ы-ы-ы-ы-ы! А может, сачканем? Только сегодня? – Герцогесса уже подцепила от сестры кучу современных выражений.

Матильда решительно покачала головой.

– Как можно столь малодушно потакать своим низменным желаниям, твоя светлость?

– Можно. А если хочется – то и нужно.

– Целлюлит покусает.

– Ага. Между прочим, у нас ваших символов красоты лечить бы начали. Или усиленно кормить! Это ж надо – такие скелеты!

– Надо. Зато варикоза не будет. И вообще, меньше попа – легче бег.

Поняв, что заболтать сестренку не удастся, герцогесса взвыла, но послушно начала делать приседания-отжимания. Матильда заодно размышляла на тему, почему садо-мазо вдруг стало так популярно. Наверное, это потому, что оно есть в каждой женщине. Вот так издеваться над собой – мазохизм, а над другими? Садизм, ясное дело. Просто это все красиво оформили... наверное.

– Ага, я и садо, я и мазо, я и прочая зараза, – поддержала Малена, прогибаясь в поясе и касаясь носков ладонями.

Разминка, душ под укоризненным взглядом Беси, которая, ясное дело, пришла в ванную и теперь сидела на бортике, недовольно щурясь. А вдруг хозяйка сейчас ка-ак нырнет? В слив? Кто ж ее вылавливать будет, кроме верной кошки?

Потом овсянка. Варить ее для себя одной было грустно, но Матильда приспособилась. Пока делаем зарядку, греется чайник. Когда доделали, заливаем овес кипятком, укутываем и пошли купаться. Выходим – и поедаем получившуюся замазку.

С удовольствием. Хотя с вареньем – оно вкуснее будет.

Давид позвонил, когда Матильда уже оделась и крутилась перед зеркалом.

Вот ведь вопрос. Что надеть? Им страдает каждая женщина, а ответ-то прост. Одеваться надо к месту и ко времени. Едешь ты в развлекательный центр? Надень на всякий случай удобную обувь, брюки и блузку. И симпатично, и ходить удобно, и тащить, и прыгать, и мало ли что? Даже в машину удобнее залезать не в юбке, а в слаксах. Хотя... смотря какие цели ты преследуешь.

Матильда к эротике не стремилась, а потому – черные слаксы, купленные по случаю (о великий Секонд-хенд), голубая футболка, сверху блуза чуть потемнее. Будет жарко – снимем,

холодно – застегнем, на ноги тапочки из черной тряпочки, и плевать, что куплены они на распродаже за копейки. Вид у них хороший, ноге удобно, а носить обувь подметкой наружу – дурее не выдумаешь. Может, это у нее фирменные скетчерсы?

Интересующимся – можно дать рассмотреть поближе, растяжка позволяет.

На плечо черный рюкзачок, в котором нашли прибежище бутылка с водой, влажные салфетки, зеркальце с расческой, активированный уголь и ампула с нашатырем. Паспорт положим во внутренний карман, а кошелек вообще зароем на дно. Мало ли?

Мини-набор разведчика.

И Матильда поскакала вниз по ступенькам.

* * *

Черный джип запарковался у подъезда, выделяясь среди местных «Жигулей» и «Мативов», как матерущий кит среди селедки.

Давид честно вышел и даже открыл дверь перед спутницей.

– Едем?

– Едем! – согласилась Матильда. И широко улыбнулась.

Машина муркнула мотором не хуже Беськи и рванула с места.

Пока они ехали по городу, Давид молчал. Молчала и Матильда, глядя в окно. Разговорились они уже после выезда на трассу.

Слово за слово, взгляд за взгляд...

– Малена, а у тебя мечта есть?

Матильда, а сейчас отвечала именно она, пожала плечами.

Мечта?

Не скажешь ведь правду? «Хочу, чтобы у нас с сестренкой все было в порядке». А, еще прибить Рисойских, разобраться с принцем, унаследовать лен...³

Так вот скажешь, потом в психушку сдадут, не глядя. Пришлось обойтись более урезанным вариантом.

– Мечта... выжить – не считается?

Давид с улыбкой качнул головой:

– Нет.

– Тогда сложно сказать – когда ты сосредоточен на том, чтобы выжить, не скатиться на дно общества, у тебя нет времени на мечты. Я читала об эпидемии самоубийств среди аристократов. Так вот, у автора была гипотеза, что эти глупости шли не от обостренного понимания чести. А просто – зажрались. Сыты, пьяны, деньги есть, проблем нет, тут любая дырка на платье – трагедия. А когда ты из последних сил тянешься... какие там мечты-самоубийства?

– А если честно? Малечка?

Матильда вздохнула. И решила выложить свою мечту, ладно уж.

– Я неоригинальна. Как и все женщины – дом, семья, дети, любимое дело. Самореализация.

– В детях?

Малена покачала головой:

– Нет. Те, кто пытается реализовать свои мечты в детях, – на самом деле очень несчастны. Им силы не хватило или смелости, вот они и гнут малышню под себя, пока могут. И не думают, что пружину можно давить до определенного предела. А потом она тебе так по лбу даст... Мне достаточно будет, если у меня будет любящая и любимая семья, если я смогу положиться на

³ Лен – в Средние века поместье, предоставляемое вассалу. (Прим. авт.)

своих родных и близких в любой ситуации. А уж кем они станут... да хоть бы и дворниками. У всех свое счастье.

– Хм-м... а самореализация?

– А смеяться не будешь?

– Обещаю.

– Я поступила на документоведа. Я канцелярская крыса, я это знаю, но мне нравится возиться с бумагами. А еще мне нравятся интерьеры. Придумывать, обставлять, планировать квартиры и дома. Мне это интересно, это приносит удовольствие, и я бы хотела этим заниматься. Но это потом. Закончу институт, устроюсь на работу и потихоньку начну создавать свой сайт, свое дело...

– А почему не сейчас? Почему ты вообще не пошла на дизайн? Есть ведь факультеты?

– Есть. Но бесплатных мест там точно нет. Я бы не прошла. А еще... на мне ведь таблички не висит: «Я талант». Не думаю, что после окончания факультета мне бы предложили контракт на дизайн дворца миллиардера, а кушать-то хочется всегда.

– Поэтому ты решила двигаться постепенно.

– Ага, с перерывами на трехразовое питание, – утвердительно кивнула Малена. – Если талант есть, он себя обязательно проявит. А если нет, учись, не учись...

Давид фыркнул, но спорить с этим тезисом было сложно. Сам-то от зари до зари не вкалывал...

– А у тебя есть мечта?

Давид бросил взгляд на подругу, но ответить соизволил:

– Да.

– Какая?

– Мне хочется встать в один ряд с Гуннаром Асплундом, Фрэнком Ллойдом Райтом, Григорием Морозовым, Оскаром Нимейером⁴.

– Я всегда мечтала посетить его собор, – оживилась Матильда. – Даже если внутрь не пустят, хоть рядом постоять...

Давид удивленно покосился, потом вспомнил про бабушку Матильды и кивнул.

– Ты знаешь, что он за собор получил Притцкеровскую премию?⁵

– Тебе ее тоже хочется получить?

– И желательно первому, среди русских!

И разговор ушел в дебри архитектуры. Хотя оба собеседника чувствовали там себя вполне уютно. Матильда привыкла спорить с бабушкой, а Давид впервые делился своими планами с кем-то понимающим.

Вот ведь беда...

Друзья-то есть, но не архитекторы. Девушки? Это если кто себя вконец не уважает. Тогда можно купиться на широко распахнутые глаза и страстный шепот: «Милый, ты та-акой умный...»

Умный. Потому и не слушал подобных дур.

Но девушка, которая знает, кто такой Ле Корбюзье? Не путает стили архитектуры и рассуждает о них со знанием дела? Отличает модернизм от функционализма? И ей действительно интересно?

Это в практике Давида было впервые.

⁴ Знаменитые архитекторы. (Прим. авт.)

⁵ Аналог Нобелевской премии, но для архитекторов. (Прим. авт.)

* * *

Торгово-развлекательный центр был громаден и внушающ. Матильда фыркнула и передала управление Малене.

Герцогесса ходила – и обмирала от восторга. А Давид получал удовольствие от ее вида.

В океанариуме они пробыли часа три, как бы не больше. Малена не могла оторваться от рыбешек. Ушли они, только когда стали кормить акул. Хищницы герцогессе не понравились – Лорену напомнили.

И Малена с Давидом устроились перекусить в маленьком итальянском ресторанчике.

Кофе там был замечательный. А пирог с вишней и взбитыми сливками выше всяких похвал. Малена наслаждалась каждым глотком, искренне сожалея, что в Аллодии не растет кофе. И не ждала подвоха, как вдруг...

– Додик, здорово! И вы здесь?

«Ах ты...!!!»

Выражалась Матильда очень экспрессивно и образно, но так как ее не слышал никто, кроме Малены, то и в анналы истории ее фраза не попала.

Малена едва удержала лицо.

Все было так хорошо, так спокойно, так уютно, и вдруг...

Мало ей Антона! Так тут еще Юлия и Диана! Обе очаровательны, накрашены, уложены у модных куаферов, обе уверенно стоят на таких шпильках, что Эйфелева башня от зависти плачет. Юлия в вишневом, Диана в интенсивно-зеленом – глаза разбегаются. Вырезы, мини, стразы в стратегических местах, все, что не в вырезе, то в облипочку.

Антон смотрелся рядом с ними вполне достойно. Этакий мощный, брутальный самец...

«Малечка, это подстава! Давай мы его пришибем?»

Малена только вздохнула. Она бы и не против, очень хотелось. Но... Прямо здесь? А куда труп прятать?

– А мы тут приехали на шопинг, посмотрим, вы сидите...

«На жопинг, – огрызнулась Матильда, по-прежнему не слышимая никем. – Чтобы тут случайно столкнуться? С таким везением надо в Лас-Вегас ехать, казино обдирать! Врет, как падла!»

Кажется, Давид думал то же самое. Но вслух ничего не сказал. Встал, пожал другу руку. Девушки сами скользнули за стол и затрещали как две сороки-маньчки.

В «...» скидка пятьдесят процентов, в «...» сорок три, если у тебя есть карточка, а в «...» аж семьдесят пять! И Антоша такая лапа, такая прелесть, такое чудо... они уже так нашопились, так нашопились, покупки в багажник не влезают, пришлось на заднее сиденье складывать. А вы тоже на шопинг?

Малена смотрела на Давида с искренним сочувствием. Так хорошо день начинался...

Давид скрипнул зубами.

– Мы не на шопинг. Мы просто развлекаться.

Кажется, в глазах девушек это было одно и то же. И цепочка прослеживалась нехитрая.

Малена ничего не купила – Давиду жалко на нее денег – Давиду она не интересна – ее можно кем-то заменить – в атаку!!!

И девушки перешли в атаку. Диана подвинулась поближе к Давиду и защебетала о марке мужского белья, она вот тут рядом видела, может быть, господин Асатиани тоже заинтересуется...

«Ага. Демонстрацией женского белья. Только свистни – и покажет все», – мрачно съязвила Матильда. Малена встала из-за стола.

– Простите, я вас оставляю на минуту, пойду руки помою.

Развернулась и направилась к туалету. И не видела, как Давид проводил ее тоскливым взглядом. Контраст между нормальной девушкой, пусть и чуточку средневековой, и силиконовыми самками двадцать первого века был разителен и беспощаден.

* * *

- Малечка, давай удерем?
- Тильда, а как мы домой будем добираться?
- Автостопом. Рюкзак у нас с собой, больше ничего и не надо. Почапали?
- Недостойно.
- Чего?
- Герцогессы. Бежать с поля боя.
- А лечь на поле боя – достойно?
- Тильда, ты и сама все понимаешь...

Матильда понимала. И одобряла сестричку. А что? Мы же круче, нас двое! Что мы – не порвем их, как Тузик тряпку?

- Конечно, порвем. Если не побрезгуем, – согласилась Малена.
- Но Антон – сволочь.

И впервые герцогесса не возразила сестренке.

Расправив плечи, улыбаясь, Мария-Элена Домбрийская шла в атаку.

* * *

Она сразу увидела, что обстановка за время ее отсутствия накалилась. Давид сверкал глазами, Диана дула губы, Антон ухмылялся, Юлия двигалась к нему поближе... Малене Давид обрадовался как родной и поднялся из-за стола.

- Извините. Я обещал Малене еще парк аттракционов.

Вообще-то ничего такого он не обещал, но Малена положила руку на локоть Давида и улыбнулась, подчеркивая, кто здесь кто.

- Да. Было приятно пообщаться, удачи вам в шопинге.
- Может, вместе погуляем, раз уж мы встретились? – грудью атаковала Диана.
- Малена, вы же не против нашего присутствия? – поддержала ее Юлия.
- Вы уверены, что вам будет удобно на аттракционах – в таком виде? – искренне удивилась Малена с подсказки Матильды. – Может, вы сходите, переоденетесь?

Девушку облили презрительными взглядами. Мол, что б ты понимала, деревня! Настоящей лЭди удобно всегда и везде – если она в мини и на шпильках! Это ж лЭди, а не твой Ухрюпинск!

Малена пожала плечами, как бы подчеркивая, – я же говорила, и Давид потянул ее на выход из кафе.

- Извини.
- Все в порядке, – так же, почти не разжимая губ, шепнула Малена.

Давид выдохнул. Ну, он еще поговорит с Антохой за такую подставу! Это ж надо! Приволочь сюда этих крашенных куриц! Нашел время!

* * *

Аттракционы. Как много в этом слове.

Тут и горки, и какие-то карусели, и громадная тарелка...

Малена не могла назвать ничего из имеющегося, Матильда тоже. Как-то не повезло. Вот на колесе обозрения она каталась. Кстати, вестибулярный аппарат у нее был вполне крепкий.

Давид махнул рукой и взял билеты на «обязательную программу». На себя и на Малену.

Антон так же широким жестом оплатил вход своим девушкам.

И – понеслось.

На «американских горках» герцогесса еще держалась, повизгивая изредка и от восторга. А вот потом...

«Ракета», «Летающая тарелка», «Шторм» и «Бустер»⁶...

Да, такого в Средние века не испытываешь, разве что с летальным исходом. Когда ты сидишь в шаткой вагонетке, пристегнутый сомнительной крепости ремнем, а та несется под потолком, регулярно переворачиваясь то боком, то вообще вниз головой... Или когда ты пристегнут к креслу, а громадное колесо раскручивается все сильнее, а ты-то не внутри, ты снаружи, и есть подозрения, что лететь будешь долго...

Малена вцепилась в Давида мертвой хваткой. Ответное пожатие тоже было сильным. Кажется, они цеплялись друг за друга.

Добил Давида «Бустер».

Когда твое кресло вращается на высоте тридцать метров, причем во всех направлениях, а еще трясет и переворачивает тебя вверх ногами... поверьте – это жуть.

Редкостная.

Кажется, рядом кто-то орал: «Остановите, я сойду!!!» Кажется, кого-то тошнило. Кажется, кто-то истерически рыдал. Малена не знала, она сама визжала. Какое уж там герцогское достоинство? Вертели мы то достоинство на «Бустере»!

Малена прыгнула на подгибающихся ногах, твердо решив для себя, что повторный визит – только через труп предложившего. И только тут заметила всех остальных.

Антон, кстати, держится неплохо. Спокоен, разве что растрепан. Но вот Диана с Юлией, которые на нем повисли...

О, это не вид, а мечта.

Прическа и макияж «ведьма в атаке», съехавшее во всех направлениях мини, так, что разрез уехал чуть ли не под мышку, а грудь видна... это уже пупок, а не грудь, качающиеся шпильки...

Кажется, сейчас кого-то стошнит. А нечего было лезть!

Жалости к ним Малена не испытывала. Даже когда Диану начало рвать прямо на Антона и тот шарахнулся с негодующим воплем, но не вырвался – вцепилась девушка будто клещами.

Рука Давида сжала локоть герцогессы. Малена бросила взгляд на спутника и тут же перехватила его поудобнее, так, чтобы большая часть веса мужчины пришлась на нее.

– Давид, мне плохо. Проводи меня, пожалуйста.

Сказано было громко и четко и удивления у окружающих не вызвало. А кто там кого на себе тащит... кажется, Антон понял, но ему было не до того. Диану бы отодрать и почиститься...

Поделом!

Кое-как она оттащила Давида в угол за пальму, толкнула на скамейку и опустилась рядом прямо на пол.

Плевать! Слаксы – почистим!

Бутылка с водой, салфетки, хорошо – без запаха, достать, дать парочку, протереть лоб...

– Так лучше?

– Да.

⁶ Названия аттракционов взяты автором из местного парка развлечений и могут не совпадать с таковыми у вас в городах. (Прим. авт.)

– Нашатыря?

– Давай.

Ампулу Малена переломила чуточку неловко, палец порезала. Но не смертельно, так, царапка. Давид вдохнул, закашлялся, из глаз покатались слезы, но дышать нашатырем он не перестал. Ему явно становилось легче.

– Как ты?

Малена протянула бутылку с водой, и Давид сделал несколько глотков, прислушался к ощущениям.

– Уже полегче. Извини...

– Брось. Самой тошно...

– Ну, Тоха, погоди у меня...

Давид откинулся на стену, не мешая Малене протирать ему лоб сначала холодной влажной салфеткой, а потом и чистым носовым платком. Желудок постепенно укладывался на место. Хорошо хоть, не стошнило. Но...

– Может, мы выйдем на улицу, посидим там? А потом и домой?

Свежий воздух определенно был бы в тему. Но...

Малена прочла мысли Давида без всякой «битвы экстракексов».

– Давай я возьму тебя под руку, вот так, опирайся на меня... нормально?

– Давай попробуем.

Ампулу с нашатырем Давид предусмотрительно завернул в салфетку.

Кое-как они прошли на выход. Хорошо хоть, Антона не встретили, а то бы Давид ему точно в ухо дал. И его бы точно стошнило. Во всяком случае, при виде фастфуда Давид поднес к носу салфетку с ампулой. Да уж... какая тут еда?

Холодный воздух пошел на пользу горячему «грузинскому парню». Они устроились на стоянке, прямо в джипе, Давид с одной стороны заднего сиденья, Малена с другой. Господин Асатиани подумал пару минут и положил ей голову на колени. Герцогесса робко погладила его по волосам, потом послушала совет Матильды и аккуратно помассировала мужчине виски.

Какая там эротика!

У вас извращенные фантазии, господа. Эротика несовместима с рвотными позывами. И нежности тут нет никакой. Просто ей еще домой ехать с этим водителем, и в ее интересах привести господина Асатиани в чувство. Чтобы не сдох по дороге, вместе с ней за компанию.

Малена молчала, воздух был свежим, пальцы ласковыми и твердыми, и Давид расслабился. Постепенно вернулся на место желудок, прошли противные спазмы, и даже головная боль успокоилась.

– Еще полчаса – и поедем домой, ладно?

– Можно даже час, время есть, – согласилась Малена.

– А у тебя прав нет?

– Нет.

– Надо получить.

– Машины-то у меня нет.

– И что? Зато стаж будет, а каталась ты или права в тумбочке лежали – кто там проверит?

Страховку будешь меньше платить.

– Неплохая идея, – согласилась Малена. – Но это следующим летом. Весной где-то. И кататься будет легче, и время будет, как сессию сдам.

«Заодно и денег накоплю. Нет у нас сейчас «самоподготовки», задушили, сволочи! А в автошколе – дорого...»

Давид опять замолчал. Малена продолжала массировать ему виски и думала, что день, в сущности, прошел неплохо. Даже Антону поделом досталось. Хотя лучше б на него обеих гарпий стошнило.

И чего он хотел этим добиться?

«Всего сразу. Испортить вам интим, подложить под Давида Диану, дискредитировать его в твоих глазах», – бодро принялась перечислять Матильда.

«Это недостойно», – поморщилась герцогесса.

«Главное, чтобы подействовало. А там – какая разница? Победителей не судят, их отстреливают без суда и следствия».

«И непорядочно».

«Ничего, и не таких козлов любят».

«Тильда!»

«А я что? Я ничего, и вообще я за любовь! Вот взять бы что потяжелее и ка-ак возлюбить покрепче некоторых...»

«Тильда!!!»

«А с чего ты взяла, что я про Антона говорю? Я, может, в принципе...»

Так, в пререканиях, прошло полчаса. Давид более-менее пришел в себя, уселся за руль, и здоровущий джип тронулся к выезду со стоянки. Медленно и очень осторожно. И – с открытыми окнами.

Малена на всякий случай огляделась, но Антона или его машины видно не было.

Вот и хорошо. Ибо – не фиг, ибо – на фиг!

Она почувствовала бы себя отомщенной, знай, что Диану рвало еще полчаса, что Антону пришлось срочно приводить себя в порядок в туалете и покупать новую рубашку, что Юлию начало тошнить на выходе из центра, когда ей под нос сунули корзину с попкорном, что дамочек рвало всю дорогу обратно и Антон вынужден был останавливаться под каждым кустом. Так что домой они приехали уже за полночь.

Малена так этого и не узнала. А узнала бы – порадовалась.

Не по-христиански сие, чадушко?

А рыть другому яму – это как? Не лезь на рожон и не будешь поражен.

Они с Давидом доехали до дома ранним вечером, стемнеть еще не успело, Давид высадил девушку у подъезда, а потом еще отзвонился, как сам доехал. Малена волновалась и не уснула бы без этого звонка.

На следующее утро курьер принес девушке большой букет цветов и конверт.

В конверте был оплаченный абонемент в автошколу. То есть в любое время Малена могла прийти, предъявить его и учиться. Хоть осенью, хоть весной.

– А нашатырный спирт нынче дорог, – задумчиво прокомментировала Матильда. И облизнула поцарапанный палец.

Малена не стала спорить.

Дорога была не ампула, а сохраненное достоинство. И вообще, чего бы ни хотел добиться Антон Великолепный, но сближению молодых людей он сильно поспособствовал. Общие трудности и не такие противоположности объединяют.

А платок с кровью Малены Давид почему-то не бросил в стирку. Сохранил...

Рид, маркиз Торнейский

Атака началась на рассвете.

Рид помянул незлым матерным словом кагана, который даже перед смертью не дает приличным людям выспаться, и повернулся к Шарельфу.

– Кажется, конец?

Лоусель пожал плечами.

– Это будет хороший конец.

И поспешил на стену.

Командиры разделились. Шарельф оставался на стене, Рид отправился к воротам. Равно как и наступление велось по двум направлениям.

Тридцать. Тысяч. Степняков.

Это много, очень много. И они лезли и лезли, словно муравьи, захлестывая стены крепости, давили числом и поворачивать назад не собирались. В крепости можно уцелеть.

А вот Хурмах точно не помирует.

Шарельф со стены выхватывал взглядом отдельные картины боя. Именно отдельные, потому что атака шла по всему периметру и не хватало ни защитников, ни времени. Оставалось только держаться.

Вот внизу в ворота бьют тараном.

Со стены скидывают камни, по команде Лоуселя льют кипящее масло, но это бесполезно. Степняки не отходят. Пожары тушат, не обращая внимания на погибающих товарищей, и удары в ворота продолжают. И постепенно, под натиском железного «свиного рыла» трескаются старые доски, уже подточенные предыдущими штурмами.

Вот за стену цепляются крючья. С каждым разом их больше и больше, над стеной появляется первая чернородая голова, кто-то размахивается палашом, и мощный удар смахивает ее с плеч. Несколько секунд степняк стоит, обезглавленный, а тело его поливает всех фонтаном крови из обрубка шеи, но потом смерть берет свое. Пальцы разжимаются, труп исчезает, но на смену ему лезет новый степняк.

Вот взмывают в небо черные стрелы.

И рядом с Шарельфом со стоном хватается за бок кто-то из солдат, кажется, Роско. Достали-таки, с-сволочи степные!

Вот поднатужившийся солдат с хэканьем скидывает со стены большой камень. Внизу что-то хрустит.

Лестница? Кости?

Слышатся предсмертные крики, но степняки не останавливаются. Воля кагана гонит их на убой.

И снова – лестницы, крючья, веревки, степняки... мертвые и живые, живые, становящиеся мертвыми.

Один за другим, один за другим...

Внизу, не удержав натиска, трескаются ворота, и кто-то из солдат бьет в дыру копьем. Слышится крик степняка, но таран продолжает свою работу. Кто-то разряжает в дыру арбалет.

Рано, слишком рано.

Рид стоит там, внизу. Он не собирается уходить от ворот, сегодня его поле битвы здесь. Красивые слова?

Таких на войне не бывает. Это грязь, кровь, слезы, это много боли...

И много долга.

Стоять, сквозь стиснутые зубы. Просто – стоять.

На стене отчаянно бьются люди.

И все же... степняков так много! Слишком много!

То там, то тут на стене вспыхивают очаги сражений. Первое время защитники крепости еще сдерживают их, но потом просто не успевают.

Падают солдаты, падает, схватившись за рану в бедре, Шарельф Лоусель, под руку ему лезет Карим...

– Держись!

И плевать ему на субординацию, что есть сил мальчишка тащит раненого командира прочь из боя, туда, где у донжона наскоро перевязывают раны.

– Отходим! – раздается крик на стене. – Медленно, отходим ко мне!!!

Аллес Рангор командует своей частью стены. Сегодня они все там, обозники, разведчики, арбалетчики...

Сегодня надо просто стоять. Стоять, держаться, невзирая ни на что. Стоять...

И медленно падает со стены Хенрик Эльтц, с пробитой копьем грудью.

– Отходим!

Встряхивает Карима за плечо комендант крепости:

– Труби!!! Слышишь – труби отход!

Мальчишка послушно подносит к губам рог – и чистый звонкий сигнал заливает пространство крепости, пронзая шум боя.

И так же медленно, словно в дурном сне, падают навзничь ворота. И в них показывается рыло тарана.

– Стрелы! – задорно кричит Рид. – Не цельтесь, не промажете!

Первых степняков просто сметает волна арбалетных болтов. И вторую волну – тоже. Но третья все же проникает в крепость.

И начинается резня.

Страшная, бессмысленная, беспощадная.

С холма, красуясь на белом коне, смотрит на это каган Хурмах.

– Сто золотых тому, кто принесет мне голову Торнейского. Тысячу тем, кто приведет его живым!

Он в бою не участвует. Ни к чему. Он потом придет на поле боя, омыть сапоги в крови побежденных. Потом.

Рид сейчас не думает о кагане. Он ни о чем не думает, он пляшет в смертельном танце. Пляшет так, как не плясал еще никогда, вкладывая душу в каждое движение.

В одной руке у него тяжелый палаш, в другой – длинный кинжал, и клинки мелькают так, что степняки отшатываются в ужасе.

Черный волк!

Рид ничего не видит. Перед ним тренировочное поле и куклы из соломы, которые он некогда рубил под руководством дядюшки Стива.

Шаг.

Отвести клинок в сторону. Ударить кинжалом.

Шаг.

Взмах палаша. И степняк с воем хватается за распоротый живот. Шаг в сторону, не хватало еще поскользнуться на его вонючих кишках!

И снова – удар. На этот раз кинжалом, грех не ударить в такой соблазнительно незащищенный бок... и снова крик степняка. Сегодня Рид не сражается – он убивает.

И медленно, шаг за шагом, отходит.

Он понимает, что это лишь отсрочка, что Хурмах не остановится, что...

Плывать!

Он не собирается дарить врагу свою жизнь или продавать по дешевке!

Аллодийцы медленно отходят со стены к донжону. Группируются так, чтобы их не засыпали стрелами влетающие на стену враги. Там они примут свой последний бой.

Звонко и отчаянно поет рог, подавая команды.

Шарельф не может сражаться, но может видеть всю картину боя в целом, и он распорягается отходом. Рид не дает отступлению превратиться в свалку. И то, что с ними маркиз Торнейский, поддерживает дух солдат. Не дает им дрогнуть, побежать...

Свистит арбалетный болт.

Карим вскрикивает. На миг рог смолкает.

Целились, наверное, в голову, попали в руку... и что? Перехватить рог другой рукой – и держаться. Просто – держаться. Пока он жив, рог будет петь!

– Отступаем!!! Отступаем!!!

Сигнал не дает отступлению превратиться в свалку, в бегство. Шарельф подхватывает мальчишку, но кто там на ком висит – непонятно.

Когда враги ворвутся внутрь донжона, он сделает последнее, что может. Последнее, о чем попросил его Рид.

Отравит замковый колодец.

А там...

На один, на два удара, но его сил хватит. Живым его в плен не возьмут.

И Шарельф не поверил своим ушам, когда рогу Карима вдруг... отозвались другие рога?

Ему – почудилось?

* * *

– Ворота рухнули, мой каган!

– Мы на стене, мой каган!

– Они пока еще держатся, но мы прорываемся, мой каган...

Сплошь приятные известия, не так ли?

И тут вдруг...

Это было похоже на удар молнии! Как лава вулкана, из леса вылетали всадники, строились на ходу в боевые порядки, в тяжелый клин, разворачивались копыта, блестели на солнце щиты и шлемы, развевались знамена, пели рога...

Разведчики маршала Иллоиского подошли к лагерю степняков еще вчера. Подошли, посмотрели, послушали и отошли обратно. Сообщили маршалу, что крепость еще держится, что штурм на рассвете и что Торнейский – там. Судя по разговорам степняков.

Маршал думал недолго.

Их – пять тысяч.

Степняков – тридцать.

Скакать ему – часов шесть. И что он может сделать?

Есть два варианта. Либо он отправляется атаковать кагана прямо сейчас и героически гибнет под стенами, просто потому, что их – меньше. Их числом задавят. Либо – он ждет начала атаки. Ждет, когда все внимание атакующих сосредоточится на крепости, а потом бьет в самое уязвимое место.

Подлю?

Военная хитрость. А сколько при этом поляжет... а Торнейский бы точно одобрил. И даже благословил. Вот уж в ком маршал ни минуты не сомневался, так это в Риде.

И одобрит, и благословит, и простит... даже с того света, если погибнет. Сам бы так поступил.

Дать о себе знать?

Арган решил не рисковать. Голуби ночью не летают, а днем... перехватят птичку степные соколы, то-то радости будет кагану!

Так что...

Копыта коней обмотали тряпками, оружие и снаряжение проверили лишний раз, чтобы нигде небрякнуло и не звякнуло, выделили сотню разведчиков, оставили все лишнее, взяли с собой только заводных коней, которых тоже через несколько часов оставят в лесу, – и по седлам!

Арган так удачно рассчитал время, что они подошли к крепости около десяти утра. Как раз вовремя.

Усталость?

К Восьмилापому ту усталость, в гробах наложимся, там и отдохнем! Несмотря на долгий переход, люди были готовы сражаться. А кони... от них много не требовалось.

Меньшая часть степняков уже втянулась в крепость, большая была сосредоточена на врагах... за окрестностями никто и не наблюдал. Чем прекрасно воспользовался Иллоийский.

Он тоже наблюдал за боем, отсчитывая секунды.

Вот падают ворота. Вот аллодийцы начинают отходить. Вот степняки втягиваются внутрь... а вот теперь – ПОРА!!!

Арган махнул рукой, звонко и злобно запели рога, давая сигнал его полкам, и армия тронулась. Такой кавалерии у степняков не было. И выращивать ее пришлось бы долго.

Тяжелые рыцари в броне...

Это смерть.

Конная оружная смерть, сверкающая на кончиках копий, отражающаяся на кольцах кольчуг, на опущенных забралах.

СМЕРТЬ!

Степняки растерялись, заметались, и Артан не упустил своего шанса.

За несколько секунд до столкновения рыцари привстали в стремених и метнули короткие копыя. И тут же взялись за тяжелые копыя и мечи.

Строгий порядок. Железное безумие.

В одну минуту Артан переломил ход сражения, и дрогнули, растерялись степняки и внутри крепостных стен. А защитники, почуяв, что пришла подмога, воспрянули духом. И бросились вперед.

Отходить?

К Восьмилапому отход!

Атакуем!!!

Аллодия!

Ур-ра-а-а-а!!!

Рид гигантским прыжком сократил разрыв со степняками и снес с десятков голов, пока они не очнулись.

– УР-Р-РА-А-А!!!

И за ним, обретая новую волю и новые силы, мчались, на крыльях летели обреченные на смерть люди.

Смерть?

Смерти нет!

Здесь и сегодня мы бессмертны!!!

И когда усталые, израненные, измученные до последнего предела аллодийцы сцепились грудь в грудь со степняками, хрипя что-то невразумительное, вцепляясь во врага окровавленными пальцами, едва не зубами впиваясь в горло, когда в бой рванулись даже раненые, когда Шарельф, оттолкнув трубача, подхватил валяющийся под ногами кинжал и шагнул, покачиваясь, вперед, когда Карим, задыхаясь от радости, заиграл совсем другой сигнал:

– В атаку! ВПЕРЕД!!! В АТАКУ!!!

Заглянув им в глаза, дрогнула и отступила сама Смерть.

Ибо на этом поле они были превыше. И могли – все.

* * *

И степняки дрогнули, растерялись, побежали...

Побежали под копыта коней Иллоийского, под арбалетные стрелы, назад, туда, где ждала их смерть, не собирающаяся уходить без поживы. Побежали так, словно за ними гнался лично

Восьмипалый. Хотя окровавленного, усталого, черного от пыли Торнейского немудрено было с ним перепутать.

И, глядя ему в глаза, в ужасе пятились бывалые воины, не смея поднять оружие.

Демон...

И над полем битвы, откликаясь отчаянному зову рога из крепости, яростно звенели сталь и медь. Артан буквально втапывал в землю степняков, не зная пощады.

Кто убежал – того и счастье, сегодня их преследовать не будут.

Каган в ярости развернул коня, намереваясь спуститься с холма, возглавить войско, собрать этих подлых трусов, – к чести Хурмаха, он и не думал об отступлении. Ни минуты не думал.

Только о сопротивлении, о том, как повернуть сражение, но...

Тяжело и басовито прогудела арбалетная тетива. И не одна.

Не зря, ох не зря вез Иллойдский с собой разведчиков. И приказ им дан был четкий: найти командование степняков. Их штаб. И как только представится возможность – убить. Всех.

Стоит ли говорить, что свою задачу аллодийцы выполнили?

Хурмах только и успел понять, что земля выросла и мчится ему навстречу. И кажется, дышать сложно?

И это было началом конца.

При виде кагана с арбалетной стрелой в горле остатки мужества покинули армию степняков. А когда из ворот крепости черным вихрем вылетел Торнейский, и за ним, словно на крыльях победы, летели усталые, измученные и окровавленные защитники – у страха глаза велики. Степнякам показалось, что из ворот крепости выходит не меньшее по размерам войско, которое сейчас кинется на них.

И...

И степняки бежали.

Бежали, бросая звериные головы на шестах и оружие. Обозы и запасных коней. Раненых и приятелей, с которыми делили костер и вино. Бежали, нещадно нахлестывая коней.

Бежали, не оглядываясь, потому что за каждым трусом незримой тенью сейчас гнался по траве Черный волк, и кровь отблескивала алым на призрачных клыках. Не скоро еще степняки решатся пересечь границы Аллодии. А самые трусливые и внукам-правнукам попомнят и завещают.

Не ходи на Аллодию.

Не вернешься...

Глава 3

Мария-Элена Домбрийская

Кого можно найти в дамской гостиной с утра?

Малену.

Графиню Элинон.

Астелу, Даранель, Силанту и Ровену.

Графиня занималась своими тремя подопечными (Силанта не спорила, понимая, что мать пока не в состоянии стояния), а Малена и Ровена прикидывали очередное ПВО.

Противовражескую оборону то есть.

И тут стук в дверь, и явление лакея, за которым идет этакий молодцеватый джентльмен с военной выправкой.

– Вам, ваша светлость, письмо.

– А не пакет от фельдмаршала?⁷

Матильда, усмехнувшись, приняла конверт.

Именно Матильда, потому что рядом была Силанта. И Малена уступила управление сестре, предпочитая отсидеться в тишине и безопасности.

Матильда посмотрела на мужчину, который доставил конверт. Пожилой, лет сорока, в livрее, волосы уложены, усы нафабрены так, что острые кончики загибаются вверх двумя иглами.

«Это королевский курьер», – шепнула Малена.

Матильда приняла решение. И в руку курьеру вполне естественно скользнула серебряная монета, которую тот принял без малейшего удивления.

Да, вот на таком и горят шпионы. Сколько давать, кому давать, в деньгах или по шее...

– Благодарю вас, уважаемый?..

– Арос Хост, ваша светлость.

– Благодарю вас, уважаемый Хост. На улице сегодня прохладно. Возможно, вы не откажетесь от чего-то согревающего?

Курьер пригладил усы пальцем. Этак, залихватски.

– Мне, ваша светлость, и велено дождаться ответа...

– Тем более! Аманда, накрой стол в малой гостиной!

Подоспевшая домоправительница мило улыбнулась, присела в реверансе и повлекла за собой курьера.

Матильда промаршировала к столу и с хрустом вскрыла печать на конверте. Тяжелая блямба красного сургуча с вытесненным символом чего-то трехголового и крылатого сломалась под тонкими пальчиками.

– Почитаем...

Письмо было коротким и по делу. Силанта попробовала влезть за спиной Матильды, но Ровена самым хладнокровным образом наступила Колойской на подол.

– Ох! Умоляю о прощении!

– Дура криворукая! – взвизгнула Силанта.

Матильда подняла тяжелый взгляд на «сестру».

– Еще раз оскорбишь мою компаньонку – поедешь ко двору в старых платьях.

⁷ Из кинофильма «Гусарская баллада»: «Вам, ваша светлость, от фельдмаршала пакет». (Прим. авт.)

– Но она же...

– Помешала тебе подглядывать? Я и так скажу, что в письме, не позорься. Завтра у меня встреча с его высочеством, который и примет решение по моему вопросу.

– Завтра? – ахнула графиня Элинон.

– Да.

Конечно, громадная честь. Приема у короля или принца могли годами дожидаться. Но это – всякая дворянская мелочь, а здесь цельная Домбрийская – это первое. И Тальфер наверняка поспособствовал – это второе.

Вспомнив про Варсона Шефара, Матильда загрустила. Кризис обещался или сегодня, или завтра, а там видно будет – выживет, не выживет... второе пока было вероятнее. Исхудал бедолага так, что на скелет стал похож.

Графиня поднесла руки к щекам.

– Но как же... я же...

– Графиня, – мягко произнесла Матильда. – Нам с вами сейчас надо будет поговорить. Наедине.

Астела сморщила носик, Силанта открыла рот. Матильда посмотрела на них фирменным взглядом бабушки Майи.

– Кто-то меня не понял? Ваше сиятельство, тетушка Элинон, прошу вас помочь мне написать ответ для его высочества. Пройдемте в кабинет?

Что графиня и сделала под недовольными девичьими взглядами.

Силанта скрипнула зубами и помчалась докладывать Лорану.

* * *

В кабинете Малена села в кресло и достала письмо.

Так...

– Ваше высочество... большая честь... благодарю вас за оказанную милость... пойдете?

Графиня, которая наблюдала через плечо герцогессы, кивнула:

– Да, Малена. Вполне. А...

– Ровена, солнышко, ты не отдашь курьеру письмо? – Матильда накапала сургуча, запечатала его фамильной печаткой с ланью и протянула подруге. Да, уже подруге. – Заодно можешь посплетничать, с герцогессой-то он вряд ли будет откровенничать, а ты, считай, своя...

Ровена кивнула и улетучилась.

Матильда прямо поглядела в глаза графине.

– Сейчас у нас с вами будет серьезный разговор. Принц молод, красив, не привык к отказам от дам. Я молода, симпатична... и не собираюсь ему отказывать.

Графиня открыла рот. Но высказаться о нравах современной молодежи не успела.

– А...

– Поэтому надо сделать так, чтобы принц мне ничего не предлагал.

Графиня рот закрыла. Матильда развела руками.

– Он – принц, а я Домбрийская. И речь не идет о свадьбе, так, попользоваться. Тетушка, давайте уж говорить прямо, если принц назначит мне такую цену – я смогу ему отказать? Астела бы смогла?

Графиня Элинон вздохнула.

– Нет. Не смогла бы.

– Но это не повод... Минуту.

Девушка прислушалась к шорохам за дверью и продолжила говорить, постепенно понижая голос и приближаясь к двери.

– Я совершенно не считаю, что женщина должна спать с кем-то, чтобы получить то, что ей и так причитается...

И с последним словом Матильда со всей дури пнула дверь кабинета.

Та распахнулась.

На пол полетел Лоран Рисойский с разбитым носом. Падая, зацепил Силанту, и она тоже рухнула, свалив заодно рыцарские доспехи, стоявшие в углу.

Матильда только головой покачала.

Видимо, эта дура решила все доложить дядюшке, а тот, нет бы сразу войти, предпочел сначала подслушать под дверь, о чем таком тайном говорят дамы.

Зря. Вдвойне зря, учитывая, что дверь открывается наружу.

– Тетушка, позвоните в колокольчик, – вздохнула герцогесса. – Кажется, дядюшка не сможет меня завтра сопровождать в гости к принцу.

Лоран аж выть перестал.

– Куда?

– В гости к его высочеству.

– А...

– А теперь вам прямая дорога в гости к лекарю. Со сломанным-то носом.

Вой возобновился.

Матильда пожалела, что сломала дядюшке только нос. Эх, надо бы еще и конечности, но тут уж – чем подставилось. Может, сотрясение мозга будет?

– Силли, потом доспехи на место верни, ты в них все равно не влезешь. Шлем можешь взять для дядюшки.

Матильда закрыла дверь, не обращая внимания на страдальцев и появившихся лакеев, и повернулась к графине.

– Тетушка, мне нужна ваша помощь. Вы же понимаете, одеваться можно по-разному...

Элинор пару минут подумала и кивнула:

– Кажется, понимаю.

– А раз так – действуем. У нас мало времени.

Рид, маркиз Торнейский

– Рид! Твою ж!

Маршал Иллоийский спрыгнул с коня и крепко обнял маркиза. Рид улыбнулся в ответ и хлопнул старого знакомого по плечу.

– Живы?

– Живы, – подтвердил Артан. – А вот Хурмах сдох.

– Туда ему и дорога, – не проявил никаких душевных терзаний маркиз. – Ну что – вперед?

– Вперед.

* * *

Если кто-то наивно думает, что враги бегут – и все, победа...

Зря. И снова – зря.

Это даже не начало победы, это так, разминка.

Вот представьте: враг бежит, враг разбит. Его надо догнать и добить. Или пленить. Надо позаботиться о своих, живых и мертвых. Позаботиться о чужих, живых и мертвых. Собрать трофеи, приготовить поесть, обеспечить ночлег...

Надо, надо, надо...

Победили? Молодцы! А теперь давайте работайте.

Войско поделилось естественным путем. Артан разбил свой отряд на десятки и направил патрулировать окрестности, зачищать, собирать трофеи – и гнать все к стенам крепости.

Пленных степняков сгоняли туда же.

Своих искали на поле боя, находили, мертвых отгаскивали в сторону, живых тащили в крепость, к лекарю. Этим занимались обозники Эльтца. Сам Хенрик погиб. Тело его нашли под стеной.

Из отряда в пятьсот человек, с которым Рид вышел из Равеля, осталось семьдесят шесть.

Раненые, усталые, измученные, почти не стоящие на ногах, но счастливые донельзя.

Победа!

Тут даже потаскать трупы не в тягость.

Степняков пока собирали в одном месте и связывали. Худо ли, бедно... солдаты кружили рядом с ними, словно акулы. Только дернись, только дай повод, свесь пятку в воду... уж она тебя!

Дураков не находилось.

Каган погиб.

Погибла и большая часть кал-ранов, остальные были ранены. Тело Хурмаха Рид распорядился повесить на воротах.

Во исполнение обещания. Сказано было на переговорах – повешу? Вот и виси молча.

Люди работали на волне эйфории. Рид тоже работал, пока не...

– Ваше сиятельство!

– Да?

– Тут девка, говорит, она ваша невеста.

Рид только вздохнул.

– Веди.

* * *

Маркиз Торнейский никогда не видел Шарлиз Ролейнскую, но узнал ее сразу. Потрясающе красивая женщина, шикарные волосы, тело, громадные глаза...

Пришлось поклониться.

– Госпожа...

– Маркиз. – Глаза Шарлиз чуточку сощурились, как у кошки. – Я могу поздравить вас с победой?

– Можете.

– Поздравляю! – Шарлиз скользнула вперед, прижалась всем телом и крепко поцеловала Рида. Хотела в губы, маркиз увернулся, вышло в щеку.

При всем уважении и понимании ситуации...

Плевать на понимание, все равно она под Хурмахом побывала! Для Рида Шарлиз была непоправимо грязной. Запятнанной.

Смешно звучит?

Но вот такой выверт сознания. Если бы Шарлиз блудила с кем-то из Аллодии, Рид бы отнесся к этому легче. Но степняки? Враг?

Подстилка врага... фу, пакость какая.

Даже если она не по своей воле... не по своей ли? Судя по довольному и цветущему внешнему виду, Хурмах ее особенно не принуждал. Одни камни в браслетах стоят столько, что Ланрон восстановить хватило бы. Рубины малым не с перепелиное яйцо.

– Я тоже рад, что вы остались живы. – О предложении Хурмаха Рид промолчал, подозревая, что им и каган не делился ни с кем. – Полагаю, вы хотите вернуться к отцу?

На такую удачу Шарлиз даже не рассчитывала.

– Да, мне хотелось бы...

– Не имею ничего против. Я провожу вас до Равеля, оттуда по морю...

– О нет! Только не корабли!

– Тогда по суше. Полагаю, эскорт ваш батюшка обеспечит.

Шарлиз опустила ресницы.

– Да, маркиз. Я тоже так думаю. Кстати, эти люди со мной, если бы не они, я не пережила бы плена.

Рид хмыкнул, оглядывая троих женщин, закутанных с ног до головы по степному обычаю, и четырех мужчин. Достаточно молодых, крепких, полукровок, кстати. Очень похожи на аллодийцев, но кожа смугловата, губы тонкие, да и сами движения...

Это надо просто видеть, чтобы понять. Степная школа боя.

– Об этом мы еще поговорим. А пока...

Рид огляделся вокруг. По счастью, Шарельф Лоусель оказался рядом. Маркиз поманил его пальцем и приказал – шепотом и коротко.

Шарельф кивнул, поклонился Шарлиз и пригласил следовать за собой. Не слишком быстро, нога болела – жуть. Чудо еще, что ходить может.

– Прошу вас, госпожа...

Посидят пока опасные гости где-нибудь под замком, к примеру в башне. Потерпят.

А не нравится – пусть жалуются. В письменном виде, лично маркизу Торнейскому.

* * *

Шарлиз не нравилось. Но...

При ней оставались Бурсай и Рохсай. При ней оставалась Аршана, девчонка-служанка, которую подарил ей каган, в Степи это была обычная практика. А посидеть в башне...

Шарлиз понимала, что все висит на волоске. И если она будет его раскачивать...

Долго ли она сможет скрывать свою беременность? Если уже себя отвратительно чувствует?

Пару раз стошнит, потом сознание потеряет... ну и умному достаточно. А маркиз Торнейский не производит впечатления дурака.

Шарлиз оценила.

И одновременно испытала и чувство радости, и разочарование.

С одной стороны, было в Торнейском нечто... подсознательно мужское. За таким действительно будешь как за каменной стеной. Не в темнице, но этот сделает все для своей жены и детей. И в постели с ним наверняка будет интересно. Такие не бывают плохими любовниками.

С другой стороны – Шарлиз знала себя. Ей нравится разнообразие, ей нравятся мужчины, рано или поздно она захочет большего, и...

Стерпит ли Торнейский измену?

Ага, смеяться после слова «ли». Ни терпеть, ни смиряться, ни молиться... Шарлиз оказалась бы запертой наглухо после первой же измены.

Вот и не знаешь, что делать. То ли порадоваться, что боги отвели, то ли погрузиться, что такой мужчина мимо проплыл.

Или еще не поздно?

Может, попробовать его соблазнить? Мать говорила, что на ранних сроках, если себя хорошо чувствуешь...

Шарлиз коснулась живота.

Нет.

Ни один мужчина не стоит риска потерять ребенка. Будущего правителя Степи. Лучше уж потерпеть девять месяцев, а там опять вести привычный образ жизни.

Шарлиз смотрела в окно.

Воины сидели и ждали, женщины молились, а за окном шла работа. Победители разгребали все то, что наворотили побежденные, и таскать им еще было – не перетаскать.

Его высочество принц Найджел

Его высочество проводил время в одиночестве.

Редкий случай, но вполне возможный. Иногда принцу хотелось просто отдохнуть, поваляться в компании кувшинчика хорошего вина, подумать о своем, о личном...

К примеру, о болезни отца.

Вот ведь правильно все, стоило отцу заболеть, как все забегали вокруг Найджела. И Тальфер, и Тарейн, и... да все. Кланяются, в глаза заглядывают, наушничают... знают шавки, кто их хозяин.

Найджел коснулся пузырька в кармане.

Надо же, такой маленький, а столько всего в нем заключено. Надежды, интересы, мечты... принц вытащил склянку и поглядел на свет.

А маловато снадобья осталось. Надо будет завтра навеститься к ведьме, а то вдруг не хватит.

Отец пока болеет, но умирать не собирается.

Найджел произнес это про себя и поморщился. Восьмилапый, ведьма обещала, что все будет быстрее, надо спросить, почему не так?

Принц вспомнил темные загадочные глаза, вспомнил бледное лицо и поежился.

Гадость.

Но... есть ли выбор? Иногда приходится идти на сделки с совестью. И вообще... станет он королем и прикажет казнить эту гадину, вот! А нечего было его отца травить!

Найджел это безнаказанным не оставит.

Ведьма наверняка знала, для кого готовилось зелье, а значит, сама виновата. Судьба у нее такая. Обязательно надо будет ее казнить после коронации.

* * *

Мысли у дураков сходятся.

У подонков они сходились еще более успешно.

В небольшом домике, где часто гостила леди Френсис и служил бдительный Сарет Корм (благодаря которому Варсон до сих пор висел между жизнью и смертью), было тихо.

Сегодня визита дам не предвиделось. Надо и отдыхать иногда.

Френсис Сорийская, Диана Лофрейнская, Ластара Сиарошт – и это еще не весь список. И к каждой нужен свой подход, у каждой свои привычки, вкусы... впрочем, скоро придется расставаться с некоторыми из них.

К примеру, Ластара.

Мужчина подозревал, что свое дело наглая полукровка уже почти выполнила. Вот стоит на столе еще один флакончик... Если первый, который готовила Ластара, вызывал безумие и медленную смерть, то второй содержал сильный яд. Три-четыре приема – и не спасут. Хоть там Брат с Сестрой спустись с небес, хоть Восьмилапый появись – не поможет.

Пусть Ластара даст его принцу, а дальше Найджел и сам все сделает. Усердная тварь, старательная...

Не дай боги, такое из его детей вырастет. Хотя тут-то ясно, мать нужна подходящая.

Мужчина потер подбородок.

Да, абы кому свое семя не доверишь. Та же Дилера Эларская – видел он ее портрет, не факт, что эта жердина ребенка выносить сможет. Нужен запасной вариант.

Мужчина хмыкнул.

Да, именно так, запасной вариант.

К примеру, иметь королеву – и нескольких любовниц. И чтобы затяжелели они одновременно. А в нужный момент или подменить ребенка, или просто объявить о рождении наследника... его кровь в нем все равно будет, а королева промолчит. Пусть только попробует не смолчать.

Мужчина задумался.

Для этого нужна женщина светловолосая, желательна схожая с ним, сирота, без многочисленной и влиятельной родни, при этом благородная, неглупая, воспитанная...

Надо бы посмотреть таких по монастырям.

Кстати, ведь сейчас в столице есть одна монастырская воспитанница. Мария-Элена Домбрийская, которая собирается ко двору.

Что ж, на нее тоже надо посмотреть пристально. И на предмет рождения детей, и на предмет награждения. Когда он сядет на трон и союзникам надо будет бросить куски мяса. Домбрийское герцогство может стать таким куском.

Надо, надо приглядеться к герцогессе.

Мужчина невидящими глазами смотрел в окно, на звезды.

Сарет заглянул в комнату, неслышно зажег свечи и вышел. Пусть господин размышляет.

Сарет обо всем знал и не собирался мешать его планам. Только вот... что делать с удравшим нюхачом?

А может, и делать-то уже ничего не надо. Судя по тому, что все тихо-спокойно, он сам помер, все же Сарет хорошо приложился. Мог выползти на последних силах, да там и подохнуть, вполне мог.

А значит, нечего и господина расстраивать.

Не было ничего. И никого не было.

Точка.

Матильда Домашкина

– Да, выглядеть можно по-разному.

– По-кошмарному, по-безобразному... – продолжила издеваться Матильда.

И было отчего.

Матильда весь день провисела в интернете, выискивая ролики визажистов и стилистов, благо был выходной. И гулять никуда не пошли, не до того.

Раскопали старую, еще бабушкину косметику и принялись извращаться перед зеркалом.

Получившийся результат вдохновлял.

Жуткое трупобразное, которое отражалось в зеркале, лучше было не показывать священникам – могли и крестом шибануть. Так, для профилактики вампиризма.

Сиреневые тени на веки, розовые – под веки, немножко черной краски там, немножко тут – и растушевать.

И вы получите такое страхозаврище, что в ужасе отшатнутся и враги, и друзья.

Словно напоминая о друзьях, зазвонил телефон.

– Да?

– Малена?

– Да, Сережа. Что случилось?

– Да ничего. Слушай, мы во вторник видимся?

Малена и Матильда начали прикидывать расписание. Получалось, что да.

– Видимся. Если ничего форс-мажорного не случится.

– Отлично. Буду ждать.

Матильда дружески попрощалась с парнем и повернулась к своему отражению в зеркале.

– А если еще мелка добавить?

Девушки активно готовились к встрече с принцем.

Рид, маркиз Торнейский

– Голубя в столицу я отправил, – Артан осматривал окрестности, – и в Равель тоже, пусть оттуда отпишут Самдию.

Рид фыркнул.

– Да уж. Хорошо, что не породнимся, от такого помощи зимой попросишь – к осени получишь.

– Точно не породнитесь?

Рид покачал головой:

– Не хочу. Понимаю, что не виновата Шарлиз, но – не хочу! Убивайте, а я в постель с ней лечь не смогу. Даже ради блага государства.

Артан и не подумал уговаривать.

– Заберешь ее с собой?

– Куда ж я денусь?

– В столицу? – предположил Иллоиский. – Или есть еще варианты?

Рид скривился.

– В столицу...

А там праздники, чествования... домой хочется. А не получится.

– Я, наверное, дня через два и поеду в Равель. И девчонку с собой возьму, оттуда уж сама до отца доберется.

– Свита у нее...

– Степняки, – спокойно махнул рукой Рид. – Полукровки, думаю, из личной гвардии кагана.

– Что?

– Есть у них такой обычай. Отдавать детей в гвардию кагана, своего родного обычно жалко, а вот от рабынь... кто их там считает?

Артан задумался.

– И ты, зная это...

– Оставил их в живых? В крепости? При Шарлиз?

При каждом перечислении Артан кивал, и Рид махнул рукой еще раз.

– Знаю. Но у них свой кодекс чести. Думаю, каган приказал им оберегать девчонку. Если сейчас всех этих людей от нее забрать – начнутся скандалы. Сделать они ничего серьезного не смогут, из башни-то, и приглядывают за ними как следует, но... тебе скандалы нужны?

Артан подумал.

Действительно, глупо как-то переживать из-за четырех степняков, когда их...

– Степняков было тысяч тридцать. Где-то тысяч десять мы перебили, еще тысяч шесть, по первым подсчетам, в плену. Остается четырнадцать тысяч.

– Думаешь, догоним?

– Думаешь, удрали? – в тон Торнейскому осведомился Артан.

– Уверен. Даже ради добычи не останутся. Каган погиб, сражение проиграно, остается сделать то, к чему они и привыкли, – удирать на всех парусах. А нам – чистить территорию, чтобы случайно кто не затерялся по дороге.

– Что с пленниками делать будем?

Интересовался Артан исключительно ради очистки совести. Рид отвечал так же.

– Пусть отстраивают, что порушили. Потом с Дораном то же самое, и Интару пусть почи-
стят. И в Равеле работ хватает. А потом пинка под зад – и в Степь. Кто жив останется.

– Коней много взяли. Не прокормим.

– Гнать этих тварей табуном в Степь и торговаться за пленных. Все равно на них никто,
кроме степняков, не сядет.

Артан подумал пару минут и кивнул:

– Да, пожалуй. Ты раньше поедешь, а я все обустрою – и тоже в столицу.

– Да я тоже могу задержаться.

– Нет. Ты поедешь как можно скорее.

– Почему? – насторожился Рид.

– Из столицы доходили плохие вести. Король, похоже, приболел, если что – тебя его
высочество послушается.

Рид застонал в непритворной тоске.

– Ладно. Еду завтра же.

Артан развел руками.

Выиграть войну?

Вы попробуйте мир выиграть! Вот это будет ставка!

Аллодия, Аланя, дом Домбрийских

Если пациент хочет жить, то медицина бессильна. Лорена была живым подтверждением
этого постулата. Несмотря на все усилия врачей, она поправлялась.

Сотрясение мозга постепенно проходило, нога, правда, не срасталась, но ведь и сколько
времени прошло? Считай, нет ничего. С такими переломами и по полгода лежат...

Лоран сидел рядом и держал сестру за руку. Лицо его переливалось всеми оттенками
синего и фиолетового.

– Вот так, сестренка.

– Стерва, – прошипела Лорена. – Я тебе еще когда это сказала?

– Признаю, ты была права, а я ошибался.

– И что мы теперь будем делать?

– Разумеется, подождем. Пусть она вступит в права на наследство, а уж там...

– Там – что? – прищурилась Лорена.

– Я снял один симпатичный домик. Кричи, не кричи – не услышат. А и услышат, не
забеспокоятся. Отвезу ее туда и буду спать с девчонкой, пока она не затяжелеет.

– Думаешь, у нас есть на это время?

– Уверен.

– А если Найджел лишит ее девственности?

Лоран фыркнул.

– Так будет еще лучше. Если что – я и королевского ублюдка приму как своего, понима-
ешь?

Лорена понимала.

Когда у женщины есть ребенок, она на все пойдет. Ради малыша она солжет, украдет,
убьет... разумеется, если это нормальная женщина. Вот сама Лорена вышла же замуж! И Силли
стала падчерицей герцога и получила все, что пожелала.

Мария-Элена тоже будет сговорчивее с пузом. Или с ребенком.

Кстати...

– А где Силли? Я ее давно не видела...

Лоран пожал плечами:

– Где-то. Я за ней не слежу, ее вообще взяла в тиски графиня Ардонская.

– Стерва!

– Повторяешься, сестренка.

Сестренка повторилась еще раз – и с удовольствием. И покрепче.

Лоран махнул рукой.

– Вкус у нее есть, одеть девчонок сможет, вывести тоже, а больше и не надо. Ты сейчас этим заниматься не можешь, пусть она занимается.

Лорена скрипнула зубами.

И повторилась еще раз.

Восьмилетней этой стерве малолетней воровит, не иначе! Откуда еще бы взялась такая удачливость?

Синий нос Лорана был тому хорошим подтверждением. И дернул же его шервуть попробовать что-то подслушать? Под дверью, которая открывалась наружу!

Сам виноват, думать надо было.

Нос откровенно болел. Хорошо хоть, не сломан, но все равно приятного мало. И сопровождать племянницу не получится, такое – не замажешь даже известкой.

И Лоран впервые задумался, стоит ли семейная жизнь таких переживаний. А то так женишься... и оставишь жену вдовой через годик-два. Веселой и довольной. И приданым попользоваться не сумеешь.

Стоит ли?

Ответа не было, а опасения к делу не пришьешь. А правда, где Силли?

Наверное, ленты примеряет. Или волосы укладывает... бабы!

* * *

Силанта была занята.

Она решила сегодня пойти на приступ. Дорак Сетон все ускользал и ускользал из ее рук, а скоро мать встанет на ноги и вновь потребует своего любовника... нет, надо действовать решительно!

Вот представьте, приходите вы в свои покои, а там интимный полумрак создан, ароматические свечи горят, и обнаженная девушка в кровати изогнулась.

И шепчет этак призывно: «Возьми меня, я твоя!»

Что сделает в такой ситуации настоящий мужчина?

Разумеется, сорвет с себя всю одежду, упадет на кровать... дальше Силанта представляла себе процесс не слишком хорошо. Но разумеется, все у них будет.

А потом он будет целовать ее пальчики и шептать, что стал самым счастливым мужчиной на свете. Разве нет? Это же все романы пишут!

И время удобное.

Дядюшка у матери, Малена и графиня уехали ко двору, а девчонки упросили отца и брата сопровождать их по лавкам.

Отлично!

Так что Силанта порхала по покоям Дорака, приводя все в «романтический вид», и готовилась к бурной любви. Уже скоро, вот-вот... со служанкой она договорилась. Та позовет Дорака в нужный момент.

Достойная дочь Лорены и Никора Колойских стянула с себя платье и обнаженной легла на кровать. Распустила жиденькие волосенки и улыбнулась.

Никто не устоит перед такой красотой! Точно!

* * *

Какого шервуля?!

Это была единственная мысль Дорака Сетона.

Вот представьте, у вас был бурный вечер с игрой в кости, потом бурная ночь с хорошенькой девушкой, потом вам пришлось выполнять свои должностные обязанности, и мечтаете вы только о том, чтобы отоспаться.

Заходите в свои покои, а там...

Шторы задернуты, какой-то удушливой пакостью воняет, и голая дура на кровати шипит чего-то страстное.

Что в такой ситуации должен сделать настоящий мужчина?

Дорак романов не читал, потому и не знал, что чего-то там должен. И выбрал свой вариант – расчихался.

Да так, что сопли в стороны полетели. Потом все же прочихался, высморкался в два пальца прямо на пол, подошел к девице, которая валялась на кровати, даже не узнав в ней Силанту – полумрак плюс слезы от чиханий действовали лучше любой маскировки, – схватил ее за руку, вытащил из комнаты, даже не взглядываясь, отвесил пинка на прощание и хлопнул дверью. И засов задвинул.

Силанта так ошалела, что и слова не вымолвила. Пискнуть не успела.

Не было ни в одном романе варианта «обчихать и выкинуть». Не было! Нечестно!!!

Неясно, сколько бы простояла оскорбленная девушка, тупо глядя на дверь покоев Дорака Сетона, но в чувство ее привел кашель за спиной.

– Гхм... госпожа?

Силанта взвизгнула, обернулась и поняла, что ее злоключения только начинаются.

Одна Аманда – полбеда, одна Ровена – тоже. Но обе? И еще двое лакеев позади?

Пока господа уехали, дамы решили пройтись по комнатам, посмотреть, где что подправить. А тут...

С достоинством уходить со сцены Силанта не научилась. Она завизжала – и бросилась наутек, сверкая голым задом. Аманда и Ровена ошарашенно переглянулись.

– Надо госпоже сказать...

– Вернется она из дворца – и скажем.

– И к Сетону зайти?

– Обязательно.

И Ровена постучала в двери покоев капитана Сетона.

Трехэтажные ругательства, которые донеслись оттуда, свидетельствовали, что капитан жив, здоров и пребывает в отвратительном настроении.

– Капитан, это Ровена! Откройте!

Дверь распахнулась.

Ровену Сетон знал и не опасался. И вообще...

Домоправительница и компаньонка осторожно заглянули в комнату. Ровена расчихалась первой, Аманда оказалась крепче.

– Боги, что это?

– Это какая-то с... – прошипел Дорак. – Убил бы!

Женщины переглянулись.

– Капитан, вы ее не узнали?

– Нет... – Дорак начал подозревать, что случилось нечто страшное. – Сами видите, эта идиотка и навоняла, и шторы задернула, и свечи идиотские зажгла... тут мать родную не узнаешь.

Дамы переглянулись еще раз, и роль предвестницы бури взяла на себя Ровена.

– Это была Силанта Колойская.

– М-мать...

Просить о соблюдении тайны? С тем же успехом можно было носить воду топором или резать море ломтиками. Дорак и не пытался. Вместо этого капитан доплелся до кровати, которую Силанта усыпала лепестками роз, уселся на нее с размаху, так, что половина оных лепестков тут же оказалась на полу, и безнадежно поинтересовался:

– И что теперь будет?

– Уборка, – отозвалась Аманда. – Сейчас пришлю горничных.

Ровена была настроена куда как более оптимистично.

– Капитан Сетон, не расстраивайтесь. Я лично попрошу ее светлость и не думаю, что будут какие-то репрессии. Учитывая, что вдовствующая герцогиня сейчас не командует, а ее брат лечит нос...

Дорак хмыкнул. И поглядел на Ровену с искренней признательностью.

– Спасибо вам, госпожа.

Ровена улыбнулась в ответ.

– Не за что.

Мария-Элена Домбрийская

Тем временем карета Марии-Элены подъехала ко дворцу.

– Давай лучше ты, – шепнула Малена подруге. – Я боюсь...

– Трусиха, – беззлобно проворчала Матильда. Но командование перехватила.

И – вперед!

В незабвенном солдатском стиле Людмилы Прокофьевны. Да-да, той самой, Калугиной, из бессмертного «Служебного романа». Она и прототипом послужила, откровенно говоря.

К чему ругаться, давить мужчинам на психику, бить их во все места?

Сделайте так, чтобы вас не захотели, вот и все. Для этого даже усилий не надо.

«Ладно, вру. Надо».

Одежда, грим, походка и повадка – вот составляющие части девичьего плана, которые и были претворены в действие. И по дворцу его величества шла...

Это была вдохновляющая картина.

Если смотреть снизу вверх, Малена сейчас выглядела так.

Туфли с подковками, чтобы топтать погромче. Поувесистее, как слоняра.

Платье великолепного трупно-лилового цвета поверх темно-серого. Чтобы кожа казалась бледной и нездоровой, да и вообще эти цвета придавали Малене нездоровый вид. Никаких украшений, ничего такого. Траур, вы что – не понимаете?

Лицо.

О, этот шедевр вдохновенного кошмариста! Отродясь Матильда не знала, как называется художник, который рисует разные ужастики, но ее лицо сейчас таким и было. Шон Косс одобрил бы, а Здислав Бексиньский и руку пожал бы⁸.

Немного мела, сажи, капелька румян в нужном месте – и что это? Лицо изжелта-серое, усталое, и выглядит герцогесса лет на десять старше своего возраста.

И волосы. Побольше воска, зализать их до супергладкого состояния, и готово!

Можно сделать из чудовища красавца? Можно. И наоборот – тоже, главное тут – задаться целью.

Вот и нужная дверь.

⁸ Смотреть на работы этих мастеров советую с утра. И потом хорошенько забыть, чтобы не приснились. (Прим. авт.)

Сначала прием приватный, потом, если все будет хорошо, Малену представят ко двору. Или не представляют.

– Ее светлость герцогесса Мария-Элена Домбрийская...

И девушки, сейчас они обе, остаются наедине с потрясающим красавцем, словно сошедшим с картины.

«Лоран!» – ахнула Малена, заставляя тело склониться в реверансе и застыть так до позволения встать.

«Только помладше будет», – согласилась Матильда.

И верно, если поставить его высочество рядом с Рисойским, они оказались бы похожи, как братья. Светлые волосы локонами, большие голубые глаза, мужественные, хорошей лепки лица, очаровательные улыбки... у принца она медленно пропадает, это хорошо.

– Поднимитесь, герцогесса.

Матильда послушно распрямилась. Теперь именно она. И подавила желание отрапортовать: «Товарищ принц, по вашему распоряжению прибыла в расположение дворца».

Маскарад достиг цели. Смотрел на них потрясающий красавец, смотрел без всякого удовольствия и долго смотреть не собирался.

– Итак, вы Мария-Элена Домбрийская.

Реверанс.

– Наследница герцогства Домбрийского.

– Если на то будет воля вашего высочества и его величества.

Найджел кивнул. И задал провокационный вопрос:

– Почему я должен передать вам право наследования?

Матильда, которая перехватила управление, противно сощурилась и закачала головой.

А что?

Как известно из популярного (и поди не стань популярным с такой продолжительностью) сериала – не надо родиться красивой. Вместо этого можно вести себя как дура, корчить рожи и бить по головам директоров. Главное ж что?

Правильно, интеллект.

– Не мне, ваше вели... высочество.

Угадала, Найджел заметил оговорку и расплылся в улыбке.

– Женский ум не предназначен для таких сложных вещей.

И вновь улыбка. Шовинист! Клары Цеткин на тебя нет, чтоб вломила промеж ушей.

– Моему будущему супругу.

Найджел насторожился.

– У вас уже есть кандидатура?

Матильда покачала головой.

– У меня, ваше вели... высочество...

– Называйте просто – сир, – благородно решил не перегружать дамский ум лишними тонкостями Найджел.

– Сир, у меня нет, сир. А у короны наверняка найдется.

– Хм-м... и вы так просто об этом говорите, герцогесса?

Матильда скривила рожу. Принц поморщился, но не шарахнулся. Храбрый юноша. Тут главное – не переиграть, чтобы все-таки не решил «облагодетельствовать».

– Сир, позвольте мне быть откровенной?

– Ну... пожалуйста.

– Могу ли я рассчитывать на глубокую и искреннюю любовь, такую, как пишут в романах?

С моей-то...

Матильда глубокомысленно замолчала и обвела свое лицо. Принц вздохнул.

Вот как тут быть?

Жестоким по отношению к дамам Найджел отродясь не был и вломить в лицо девушке, что если ее на огороде выставить, то вороны за тот год урожай вернут, просто не мог. По счастью, девушка это и сама понимала. И развела руками.

– Я не глупа. И все понимаю, сир... может быть, найдется кто-то, кто оценит мой ум, а не только внешность?

Ага. Сразу же, после дождичка в четверг. И оценщики, и опробщики в очередь выстроются, надо только про приданое рассказать.

Найджел задумался.

– Что ж, это в любом случае дело не одного дня.

– Тогда, сир, можно пока назначить наследницей меня, а когда я выйду замуж, оговорить с супругом, что наследником будет наш первый или второй сын, а мы будем местоблюстителями...

Идея была неплохой.

– Да, пожалуй.

– О сир! Благодарю вас!

В порыве восторга Матильда всплеснула руками и бросилась на колени, восхвалять ум его высочества.

Крохотная сумочка, висящая на поясе, оторвалась и раскрылась.

Из сумочки во все стороны полетели игральные карты. Сама лично рисовала, взяв за основу колоду «Тобаго» художника Бориса Митина. Уж очень выразительная и в духе эпохи, а рисовать умели и Матильда, как внучка архитектора, и Малена, как аристократка.

Да, не цветочки, ну и что? Кому тут нужна ботаника?

Матильда покраснела и, бормоча извинения, принялась их собирать.

– Колода... – задумался его высочество, помогая растяпе. – Вы играете в карты, герцогесса?

– Разве что в «Блеф», – потупилась Матильда.

– «Блеф»? Не слышал о такой карточной игре. И карты странные...

– Сир, позволено ли мне будет рассказать и показать?

Скука развеялась как дым.

– Пожалуй, герцогесса.

* * *

Доверенный слуга поскребся к Баристу Тальферу под вечер.

– Господин...

– Да?

– Его высочество собирался дать аудиенцию герцогессе Домбрийской.

Да, Барист был в курсе.

– И что?

– Вы приказали доложить, когда все закончится...

– Закончилось?

– Нет. Герцогесса до сих пор у его высочества. Приказывали подать обед на двоих, слугу выставили...

У Бариста челюсть отвисла.

– До сих пор?

– Да, господин.

Интересно, это какие же позы герцогесса в монастыре изучила?..

Пошлую мысль Барист задавил в самом зародыше. Взамен явилась вторая.

А Найджел точно еще жив?

– Ладно. Надеюсь, голову мне сегодня не отрубят.

И Барист направился к покоям его высочества.

Не доходя, свернул в коридор, коснулся завитушки. Кто сказал, что во дворце нет тайных ходов? И что при должном умении и опыте их нельзя вычислить?

Для человека, который привык копать в финансовых отчетах, это несложно. Чего бы один умник ни накрутил, другой всегда в состоянии распутать будет. А уж кто там крутил, бухгалтер или архитектор, – неважно.

Барист собрал на пузо три килограмма пыли и паутины, но до глазка добрался. И услышал...

– Шесть виноградин сверху.

– Отвечаю. И еще три.

– Принимаю. И еще пять.

– Вскрывается.

– Три десятки.

– А у меня каре!

– Опять вы выиграли, сир. Лишаете бедную девушку винограда...

Ответный смешок Найджела был таким довольным, что Тальфер успокоился. Но все же...

Барист выполз наружу, почистился и решительно направился к покоям его высочества.

Слуги послушно доложили о его приходе.

Что самое поразительное, встретили Тальфера аж два недовольных взгляда.

– Что случилось? – капризно поинтересовался Найджел.

Герцогесса Домбрийская... это – она?

О боги!

Барист даже не сразу опознал это чудовище. Что-то жутковатое, лиловое, прилизанное, но... довольное? И принц доволен?

А что у них в руках?

И что тут вообще происходит?

– В-ваше высочество, сопровождающая герцогессы, графиня Ардонская, очень волнуется...

Матильда вздохнула.

– Это моя вина. Его высочество объяснял мне правила новой игры. И мы совсем забыли о времени. Он такой умный, такую интересную игру придумал... а я все никак не могу выиграть.

Найджел расплылся в довольной улыбке.

– Я вам дам шанс отыгаться, герцогесса.

– Вы сделаете меня счастливой, сир!

– И – да, наверное, вам надо идти... время, да и репутация...

– Да. Репутация, – грустно отозвалась Матильда. – Да, сир.

– Ах да, Барист, составь там бумаги. Я подтверждаю вступление герцогессы в наследство.

До первого ребенка-мальчика, которому она и передаст титул.

Барист поклонился.

Конечно, составит.

Интересные какие картинки... карты?

Карты в Ромее были, но не такие, совсем не такие. И колода поменьше, и такой игры не знали. Так что здесь произошло?

* * *

Смеяться Барист начал еще на лестнице, когда Матильда честно объяснила происходящее. И продолжил потом.

- Да, ваша светлость. Вы просто невероятны.
- Как вы думаете, надолго ему этой игры хватит?
- Думаю, надолго.
- А потом я еще парочку придумаю.

К услугам Малены был весь интернет. И вообще, можно построить рулетку, спроектировать «однорукого бандита» и открыть казино. Даешь Монте-Карло в Ромее?

– А... вот это?

– А с этим я постепенно буду расставаться. Просто мне нужно было, чтобы принц не смотрел на меня как на женщину, вот и расстаралась.

Барист хрюкнул, а потом уже более серьезно поинтересовался:

- Как там дела у Варсона?
- Пока – без изменений, – отчиталась герцогесса. – Ждем кризиса.

Тальфер вздохнул.

- Ваша светлость, документы я вам завезу? В ближайшее время?
- Буду рада, – согласилась Малена. – Приезжайте.
- Игре научите?

Малена утвердительно кивнула:

– Обещаю. Научу.

* * *

Расслабиться она себе позволила только в карете. Ненадолго.

- Ну что, Малечка, мы выиграли гонку?
 - Впереди еще стипль-чез, – отозвалась Малена. – И мы пока не выиграли.
 - Почему же?
 - Еще неизвестно, кого нам в мужья подсунут...
 - Разберемся, – отмахнулась Матильда. – Неужели ты не веришь в мои способности?
- Малена верила. В чем и поспешила уверить подругу.

Графиня Ардонская порадовалась за герцогессу и помогла снять макияж. Ходить чуелом и дома Матильда не нанималась, хватит того, что полдворца распугала.

«Ничего, я вас еще научу, что в человеке главное – душа! И ее прекрасные прорывы».

Вот и особняк. Парк, знакомые двери, и девушкам становится все спокойнее и уютнее. Они дома. А что в гостиной делает Дорак Сетон?

И Лоран Рисойский?

И Силанта?

И даже Лорену вниз стащили?

Да что тут происходит?!

Малена мигом передала управление Матильде, и та не подвела. Широко улыбнулась.

– Ну что, дорогие родственнички, принц пообещал подтвердить мое право на владение и наследование. Выпьем за это?

Молчание было ошутимо, как одеяло. И лица у всех такие мрачные, что Матильда заподозрила худшее.

– Что, кто-то помер? Или того хуже, воскрес?

– Нет, – прошипела по-змеиному Лорена. – Все намного хуже. Моя дочь опозорена!

Вот уж чего не ожидала Матильда. Малена – и та ахнула в шоке.

– Да что вы говорите, матушка? И кто рискнул? То есть – кто посмел?

– Я сейчас все объясню, – процедил Лоран. – Да, поздравляю.

– Благодарю, дядюшка. Вы бы времени не теряли, записывались к принцу на прием? Вдруг да и рассмотрит кандидатуру? У него пока никого на роль моего супруга не предусмотрено.

– Обязательно последую вашему совету, – процедил Лоран. – Так вот, сегодня днем...

Слушая историю в изложении Лорана, Малена покатывалась со смеху. Матильда тоже.

Получалось так, что Дорак затащил невинную деву к себе в комнату и намеревался там отъестествовать во всех позах. Дева вырвалась и удрала.

Позор, кошмар, жениться трэба.

По заявлению Дорака получалось, что он никого не затаскивал, а наоборот – выкинул. И какая там любовь, когда прочихаться нет возможности?

«Кошмар», – поехала Малена.

«Ага, она его так и угробить могла, – согласилась Матильда. – Вот, у нас одна дура журналов читалась и вместо того, чтобы мужика покормить жареным мясом с картошечкой, подала на ужин суп-крем из морепродуктов. А у него аллергия на мидии. Отек Квинке начался, хорошо хоть, в соседней квартире терапевт жил, успели. Зато впечатлений – на всю жизнь».

«Дорак же не ел ничего».

«Дышать тоже хватает. Вон, у меня есть знакомая – атеистка до мозга костей. Мимо церкви проскакивает с такой скоростью, что хвост дымится».

«Не вижу взаимосвязи».

«Она начинает задыхаться, тоже начинается отек Квинке, вплоть до анафилактического шока доходит».

«Из-за храма?»

«Практически. Они ж там ладан жгут, а в его составе есть коричная кислота. У нее аллергия оказалась. Редкая, но меткая. Два вдоха – и все признаки бесноватости. Задыхается, пена идет, глаза из орбит лезут. Так-то...»

«Жуть, что на свете бывает. А тут что нам делать?»

«Спокойно, Маша, я Дубровский. Ты помнишь?»

«Да».

«Тогда доверься мне, я сейчас всех направлю на путь истинный. Или pošлю».

Матильда улыбнулась, как милая и добрая гиена.

– Да, кошмар! Капитан, вы точно никого не насильовали?

– Никого, ваша светлость! – отрапортовал, вытягиваясь в струночку, Дорак.

– Тогда сейчас приглашаем повитуху. Если Силли еще девочка... Силли?

– Я... эм-м-м...

– Вот она и скажет. Девочка или нет, сегодня ты женщиной стала – или нет, и даже добровольно ли. Поверь, следы остаются.

Силанта залилась краской от ушей до пяток.

– Я...

– Разговариваешь с повитухой, и я вызываю сюда матушку Эралин.

– Зачем?! – взвыли в один голос все присутствующие.

Матильда развела руками.

– Как – зачем? Вы себе представляете, какая волна сплетен пойдет по столице? Да Силли живьем сожрут. А так... мы ее спрячем в монастыре на полгода, а потом вызовем. А слух пустим, что это служанка была. А Силанты здесь нет. Так поверят.

Лорена сомневалась. Матильда пожала плечами и добила:

– Матушка, а вы что – хотите Силли выдать замуж за капитана? Дорак, не обижайтесь, вы чудо, вы замечательный капитан стражи, но для наследницы Колойских хотелось бы кого познатнее.

Дорак не обижался. Даже наоборот – сиял собственным светом. Он был полностью согласен с Матильдой. И познатнее, и подальше.

– Ваша светлость, разрешите послать за повитухой?

– Сама пошлю. Чтобы вас в сговоре не заподозрили, – отмахнулась Матильда. – Ровена! Компаньонка тут же оказалась рядом.

– Да, госпожа?

– Побудь с Силли. Такое потрясение, не дай боги, девчонка что с собой сделает.

– Я не хочу в монастырь!!! – взвыла Силанта.

Матильда поглядела злобным взглядом.

– А тень на весь дом ты бросить хотела? Милая сестричка, моральная и сексуальная распушенность до добра не доводит!

«ЧЕГО?!» – читался вопрос на лицах присутствующих.

– Перевожу, – закатила глаза Матильда. – Потакание своим желаниям без оглядки на последствия – есть худший из грехов человечества. А за ошибки платить надо. Побудешь полгодика в монастыре, потом все забудется, а там и мужа тебе подберем. Аманда!!!

Домоправительница явилась еще быстрее. Интересно, сколько там еще подслушивающих?

– Отправь нарочного за матушкой Эралин. Спроси, не желает ли она навестить нас сегодня. Время пока есть...

Лоран и Лорена переглянулись.

В принципе решение было неплохим. Монастырь, тишина, никакого скандала, сплетни притушим, а там и девчонку вернем. Нормально...

Силанта недовольна?

Ничего, впредь думать будет.

На том и порешили.

* * *

Повитуха прибыла через полчаса.

Силанта оказалась девственницей.

Матушка Эралин прибыла через полчаса после повитухи. И бросилась к Малене:

– Мария-Элена, дитя мое!

– Благословите, матушка.

– Да пребудет в твоей душе мир, дочь моя. Что случилось? Я сразу же поспешила сюда, получив твое письмо.

Матильда вздохнула, огляделась вокруг.

– Матушка, у нас очень деликатное, даже интимное дело. Приглашаю вас поговорить наедине.

За что и удостоилась возмущенных взглядов. И злорадно улыбнулась. Попробуйте подслушайте. У кого там лишний нос есть?

В кабинете Матильда уселась за стол, кивком направила матушку в нужное кресло и положила руки на стол.

– Матушка, сегодня я стала наследницей Домбрийских.

– Поздравляю, дитя мое! – возвела глаза к небу матушка Эралин. – Да пребудет с тобой мудрость Брата и мягкость Сестры.

– Благодарю. Вы первая, кто об этом узнал.

Из посторонних.

– Я польщена.

Матушка Эралин просчитывала ситуации.

А ведь не так и плохо получается? Девочка вступила в наследство, девочка легла под Рисойского, но при первых проблемах куда она бежит?

Правильно, к матушке Эралин.

Так что надо убрать Лорана и найти малышке подходящего мужа. И тихо-скромно все состояние Домбрийских перейдет в ручки матушки Эралин. Это же хорошо?

Очень.

– Но начинается мое... управление герцогством с печального факта. Моя сестра опозорила нас, спутавшись с неподходящим мужчиной.

– Плоть слаба, – вздохнула матушка Эралин.

– Мы хотели бы, чтобы она пожила с полгодика в монастыре. И я готова оплатить ее пребывание.

Матушка Эралин оговорку заметила, но промолчала. Матильда вздохнула и продолжила:

– Мы... Я считаю, что так будет лучше. Чтобы не бросить тень на семью, вы понимаете...

Матушка Эралин понимала. Там, где речь шла о ее выгоде, она понимала просто великолепно.

– Это достаточно дорого будет стоить. Расходы, сохранение тайны, дорога...

– Это – моя семья! – пафосно провозгласила Малена.

Спустя полчаса они договорились.

Заплатить пришлось вдвое больше, но зато монастырь будет самый лучший. В скалах. Святой Заступницы Ассалены. Коллектив – двенадцать монашек, три послушницы. Ехать – месяц. Монастырь вырублен прямо в скале, все условия для благочестия и молитв.

Завтра же с утра и отправление.

С этой радостной вестью Матильда и вышла в гостиную.

Силанта впала в истерику после слова «монастырь». Матильда поглядела на Лорену и Лорана:

– Матушка, дядюшка, вы сами разберитесь, ладно? Вы же понимаете... Силли, солнышко, ты не расстраивайся, стихнут сплетни, и все у тебя будет. И первый бал, и богатый муж, а пока помолишься, чтобы все удалось.

И удрала.

Даешь равноправие? Как ее в монастырь, так можно, а как Силанту – так горе? Ничего, молиться полезно, особенно в скалах.

Ну что, день прошел плодотворно?

Принца в покер играть научили, владение подтвердили, с Баристом побеседовали, документы получим, с Силантой разобрались, матушке косточку кинули...

Есть чем гордиться.

Определенно.

И спать пора, а то Матильде скоро на работу.

Глава 4

Матильда Домашкина

Понедельник – день тяжелый?

Вот еще! Главное, чтобы на душе было легко, а какой там день – и вовсе неважно. Матильда и Малена даже не думали о таких мелочах.

И чихать, что с утра зарядил мелкий гадкий дождик.

Что небо затянуто серыми тучками.

Что дует противный ветер.

Встать, улыбнуться, подтянуться – и вперед! Каблучками по лестнице. И – да! Тете Параше тоже надо улыбнуться, пусть у нее разлитие желчи начнется!

Как ни странно, гадкая тетка тоже улыбнулась в ответ. Интересно, что это она? Как-то нагадить собирается?

Наверняка.

Девушки отметили это и выкинули из головы. Где тут у нас автобусная остановка? Туда и путь держим!

– Привет! Подвезти?

Притормозил рядом «жигуленок-шестерочка», и оттуда выглянул Сергей. Не музыкант, а Куницын, четвертый менеджер агентства.

– Привет! Извини, я лучше пешком, – развела руками Малена. Сейчас именно Малена, а не Матильда.

Сергей покачал головой – и поехал вперед. Малена тоже пошла, прикрываясь зонтиком. Но больше номинально.

– А почему ты не согласилась?

Малена подумала секунду.

– Тильда, а тебе хочется ехать с ним?

Матильда тоже подумала.

– Ну...

За время работы они с Сергеем и пары слов не сказали. Если только про кофе или про печенки, а что он за человек, чего ему от жизни хочется – неясно. Антон его гонял и в хвост, и в гриву. Привезти, увезти – как обладатель собственных «колес», Сергей очень часто бывал в разъездах. Не шефу же повсюду бегать!

– Мы его, считай, и не знаем. А ты мне что говорила?

– Не связываться с чужими людьми, – согласилась Матильда. – Но мы же вместе работаем! Вот и познакомились бы, кстати...

Малена покачала головой. Иногда ее сестренка удивительно наивна.

– Тильда, ты предлагаешь после выходных приехать с ним на работу? Как ты думаешь, та же Лера что первым делом спросит?

– Как ночь прошла, – сообразила Матильда. – Тьфу, паразитки! Кому чего, а вшивым блохи!

– Вот именно. Но ладно, мы-то знаем, что ничего не было. Есть и другие аргументы против.

– Какие?

– У него в машине грязно, ты видела?

Видела. И саму «шестерку» явно не мыли с начала лета, и на полу там было грязновато...

– Это – да.

– Костюмчик жалко.

Костюмчик было жалко и Матильде. Плевать, что секонд-хендовский, все равно смотрелся он очень прилично. Темно-синяя юбка-карандаш, короткий приталенный пиджак без украшений, просто прямой, и к ним блузка оттенка голубинового крыла. В таком наряде глаза Малены казались грозowymi, загадочными.

И посадить на всю эту прелесть пятно? А потом долго оттирать в туалете и материться? Увольте.

– И это все причины?

– Есть еще одна. Главная.

– Да?

– Конечно. Тильда, мне так погулять хочется!

Матильде тоже хотелось подвигаться, так что девушки рассмеялись и подставили лицо брызгам дождя.

Хорошо...

* * *

На работу она добралась раньше шефа и Нины, но позже Сергея, Жени и Леры. И была встречена насмешливым:

– А, вот и наша принцесса пожаловала!

Лера смотрела зло. Видимо, уже что-то пронюхала про поездку в выходные. Малена ответила ей равнодушным взглядом.

– Доброе утро, Валерия. Женя.

Вторая удостоилась даже улыбки и подмигнула в ответ.

– Что, теперь только на джипах ездить будешь? – Валерия решила продолжить наезд, а вдруг удастся? – Как с Давидом покатались, так кто попроще и не нужен? Да?

«Покатались» в ее изложении прозвучало жутко непристойно. Как будто на колесах у джипа вся «Камасутра» состоялась.

Малена посмотрела на Валерию в удивлении. Потом на Сергея с пониманием.

– Сереженька, так вы обиделись? А почему?

И что на это можно ответить? Сергей и не нашелся. Малена покачала головой.

– Ладно, так и быть. Я исправлюсь и с удовольствием покатаюсь с вами вокруг здания. Только вы машину сначала отгоните на мойку и в чистку, хорошо? А то я не люблю, когда под ногами стаканы из «Макдоналдса» похрустывают...

Сергей залился краской.

– А я тебе говорила – в твоём свинарнике на колесах скоро змеи заведутся, – припечатала Женя.

– А ты себе сначала хоть «Запорожец» купи, – огрызнулся Сергей. – А потом езжай хоть на мойку, хоть на помойку.

Лера заскрипела зубами, видя, что разговор уходит в сторону от оплевывания Малены, но сказать ничего не успела. На работу явился Антон Владимирович. Собственной Великолепной персоной.

Кстати – не издевательство. Что поделаться, если родители дали именно такую фамилию?

«Работать в цирке, – проворчала Матильда. – Впервые на арене, Антон Великолепный. И в последний раз – тоже».

– Что за шум, а драки нет?

На миг повисла тишина, и, как водится, первой встряла Лера:

– Да тут некоторые нос дерут сильно, вот и не до работы.

И выразительный взгляд на Малену. Мол, вот кто главный враг! Антон предпочел ее не понять.

– А ты попробуй нос в компьютер опустить, тебе и легче станет. Живо по местам! Малена, кофе!

«Стоять, сидеть, лежать, бояться», – проворчала Матильда исключительно для сестренки. Но кофе варить пошла. Работа такая.

* * *

Вот чего Малена никогда не видела на лице Антона, так это смущения.

– Ваш кофе.

– Малена, присядь, пожалуйста.

Антон взял чашку с кофе, отпил глоток и закатил глаза.

– Чудесный кофе. Ты замечательная секретарша.

– Спасибо.

Главное – не слова, а интонация. Ровная, безжизненная, абсолютно безразличная.

– Малена... – Антон встал из-за стола, прошелся по кабинету. – Я... короче, в субботу так получилось. Случайно.

– Я все понимаю, – тем же безжизненным тоном подтвердила герцогесса. – Стечение обстоятельств.

– Да. Девочки хотели поехать за покупками, а то, что мы встретились...

«Врет, как падла!» – вознегодовала Матильда, по счастью, только для сестры. Но и Малена не собиралась спорить.

«И бездарно врет. Просто фу».

«Лоран – и тот лучше работает».

– Мне жаль, если я испортил вам романтический вечер.

Малена встала. Да гори оно огнем... что ж это такое? Герцогесса вдохнула, выдохнула и с максимальной любезностью произнесла:

– Антон Владимирович, не стоит тратить ваше время на извинения. Вы не ощущаете себя виноватым и ни о чем не жалеете. Давайте вернемся к работе?

Антон запнулся. Вгляделся в лицо девушки.

И вздохнул.

– Вот факс. Отправьте.

Так Малена и поступила.

И работала себе спокойно до вечера, ни о чем не думая. А что?

На работе – о работе, смотри свод правил, которые никто не снимал со стены. И точка. Dixi⁹.

Жаль только, от хорошего настроения и следа не осталось. И дождь гадкий, и погода хмурая, и вообще... кругом враги! Сожгли родную хату и заложили бомбу под сортир.

Даже звонок от Сергея-музыканта не добавил радости в жизни.

– Малена, привет.

– Привет.

– Ты завтра будешь?

– Должна. А если дождь?

– Я прогноз погоды посмотрел, вроде не должно быть. О, если что – я там знаю один замечательный навес, нас пустят.

– За процент?

⁹ Dixi (лат.) – «Я сказал». (Прим. авт.)

- Просто так.
- Тогда точно буду, – согласилась Малена. – Удачи?
- До встречи.

* * *

Вечером Антон смотрел в окно, как худенькая фигурка идет к остановке. И как-то на сердце гадко было...

Съездить, что ли, попробовать еще раз извиниться?

Ну правда, повел ведь себя как поросенок, хотел-то подшутить, а получилось...

Нехорошо получилось.

И документы в голову не лезут, и вообще... неприятно на душе.

Антон махнул рукой и принялся собираться.

Сейчас он подъедет к дому Малены и там с ней поговорит. Должна ведь она понять, что ничего плохого он не делал?

Обязана.

Джип – это вам не троллейбус, на каждой остановке не стоит по пять минут, а потому Антон оказался рядом с домом Матильды быстрее, чем доехала девушка.

Сидел ждал.

Видел, как Малена вернулась, как ей что-то сказали, как...

Одним прыжком мужчина вылетел из машины. Даже закрыть ее позабыл. Но в такой злости – не до сигнализации.

* * *

До вечера пакостный настрой никуда не делся, так что домой Матильда шла грустная. Да и Малена не радовалась.

Как-то... неловко это все. Гадко, словно в капустного слизня пальцем въехала. Понятно, что слизняк не виноват, но неприятно ж!

– Ничего, – подбодрила сестренку Матильда, которая не была влюблена, а потому раскисла меньше, – сейчас домой придем, мультики поставим, к примеру «Аладдина» или «Красавицу и чудовище», Беську почешем... все образуется. Жизнь продолжается, сеньора!

– Продолжается.

– О! Придумала! Мы с тобой посмотрим «Дона Сезара де Базана».

– Это кто? – против воли заинтересовалась Малена.

– Совершенно потрясающий мужчина. Балбес, правда, но очень большой оптимист.

А что? Михаил Боярский – самое то, что надо от тоски и печали. Или вон «Собаку на сене» покрутим, чтобы сестренке жизнь тоской не казалась. Тоже отличная таблетка от депрессии. Кстати – не потолстеешь и побочных эффектов не будет. Вот.

Так и шли домой сестренки, неспешно беседуя, когда заметили на скамеечке две фигуры.

Одну обе девушки опознали влет. Петюню, который щеголял загипсованной рукой, спутать с кем-то сложно. А вот вторая...

Щуплый мужичонка с заметной плешкой и наколками на всех местах был Матильде совершенно незнаком. Но Петюня что-то сказал и «культурно» ткнул в сторону Матильды банкой с пивом. А что? Не пальцем ведь? Значит, все «культурно».

Мужичонка поднялся со скамейки. Матильда пригляделась. Ну... так себе. Среднестатистический алкаш на лавочке, таких по дворам двенадцать на дюжину. Сидят, пиво

тянут, семечки щелкают, после напутственной скалки и волшебного пенделя могут даже быть полезны в хозяйстве, но чаще таких держат как знак статуса.

А что?

«Не одинокая я, у меня мужик в доме есть! *Настоящий!*»

А то, что мужик в доме должен не только пиво пить и носки разбрасывать... ну так это дело вторичное. Главное ж – оно есть! Пусть щупловатое, невидное, подлысоватое и пьяноватое. Счастье.

– Ну, здравствуй, дочка. Пошли поговорим!

Залюбись по вертикали!

А больше у Матильды и слов не осталось, и фантазии не хватило. Повезло, что управление мигом перехватила Малена и тут же среагировала:

– А вы, собственно, кто, любезнейший? Представиться не хотите?

– А что – не узнаешь?

– Кого?

– Отца родного!

Произнесено это было так, словно означенный алконавт являлся «отцом народа» и плакаты с его лицом были растиражированы на каждом фонарном столбе.

– Нет, не узнаю, – ухмыльнулась Малена. – Еще вопросы будут?

Папенька прищурился.

– Какие уж тут вопросы. Пошли домой, блондинка...

Вместо «блондинки» было вставлено другое слово, более употребительное в тюремных кругах, но Малена интерпретировала именно так. А Матильда не стала просвещать герцогессу.

– Идите, любезнейший, – отмахнулась Малена. – Бог подаст.

– Не понял?

– Суд высказался четко. Ни вам, ни мамаше с меня ничего не причитается. Я вам ничего не должна. А потому вы можете идти обратно, в ваш поселок городского типа, или где вы там обретаетесь, – внятно разъяснила герцогесса.

– Ах ты...

Чего Малена не ожидала, так это короткого и жестокого удара в живот. По-подлому, исподтишка... ахнула, согнулась вдвое.

А больше никто и сделать ничего не успел.

Антон был великолепен и полностью оправдывал свою фамилию. Один прыжок – и любящий отец отлетел к Петюне, выплевывая остатки зубов, а Антон повернулся к Малене:

– В порядке?

Матильда, которой драки были привычнее, перехватила контроль, быстро вдохнула, выдохнула, коснулась живота...

– Не особенно, но жить буду.

Что и требовалось услышать.

Антон сделал шаг, второй – и поднял Германа Вагина за шкуру, как помоечного кота... простите, животные, вас не хотели оскорбить подобным сравнением.

– Молись, тварь.

И выглядел он в этот момент так...

– Вас посадят!!! – заверещал Петюня.

И тут же полетел со скамейки на землю, потому как разъяренный Антон попросту со всей дури врезал ногой по доске. Сидеть на скамеечке Петюня любил, а вот ремонтировать – нет, потому и доски были старые. И гвозди. И полетело все от удара на землю.

– Да что ж это деется-то! – сиреной взвыла тетя Параша, вылетая на улицу. – Помогите! Убивают!!!

Матильда хотела ответить, но Малена ловко перехватила управление.

– Нет!!! Тильда, доверься мне!

И Матильда послушно отстранилась. Здесь и сейчас она полностью доверяла сестре, та плохого не сделает.

– Вызывайте полицию!!! – громко потребовала Малена. – И «Скорую помощь»! Я боюсь, что у меня будет внутреннее кровотечение!

– У тебя?! – взвыла Прасковья Ивановна.

– У меня, – отрезала Малена.

И вовремя, на улицу вылетела еще и тетя Варя.

– Деточка, я вызвала и «Скорую», и милицию! Ох ты ж ирод проклятуший! Сволочь поганая! Чтоб тебя на всю оставшуюся посадили, паразита! И выпустить забыли!!!

Антон тряхнул Германа еще раз.

– Так что это за тварь такая?

– Это – мой биологический отец. – Малена кое-как опустилась на ступеньку крыльца. Живот болел, и сильно.

– Ну-ка... – Тетя Варя ловко передвинула девушку на срочно подстеленный платок. Видимо, как сидела вечером, смотрела телевизор, так в халате, тапочках и платке и вылетела. – На платок пересядь! Тебе еще рожать...

– Если смогу. – Герцогесса потеряла живот. – Если смогу...

Антон скрипнул зубами.

– Я тебя, козла парашного...

Дальнейшая речь мужчины в историю не попала, поскольку не была понята девушками. Зато ее отлично понял Герман, потому что побледнел и задергался. И даже попробовал что-то отвечать сквозь кровавые слюны, но Антон был суров. И сделал лишь одно послабление – прислонил гражданина Вагина к березе. И показал кулак – мол, только попробуй сбежать.

Во двор въехала «Скорая помощь».

Потом полицейская машина. И всем стало весело и интересно.

* * *

Домой Матильда попала только через два часа. Показания с нее сняли в числе первых, да и показаниями особо не заморачивались. Давид наврал в свое время девушке. Камера, установленная на доме, писала и вид, и звук, так что беседа, удар и все последующее действие скачали в три минуты. А заодно и то, как папаша с Петюней попивают пиво на лавочке, а Петюня советует Герману «прижать наглую тварь посильнее», а то «самая умная стала».

Дело было ясным, как солнышко, особенно после стимулирующей купюры от Антона Владимировича. Просто поразительно, как деньги влияют на выполнение служебного долга!

Накручивались нападение с целью ограбления, причинение тяжкого физического вреда, или как-то так, причем в составе ОПГ – Петюня-то присутствовал и подстрекал...

Тетя Параша пыталась кричать и протестовать, за что ей пообещали трое суток. Тут она примолкла и отошла в сторонку. И понятно. Сынка надо выцарапывать, будучи на свободе, а не в узилище.

Саму Малену отвезли в больницу, где сделали томографию органов брюшной полости и на всякий случай, для верности, – УЗИ, общий и биохимический анализ крови и общий анализ мочи.

Вроде бы повреждений не обнаружили, но вклеили диагноз «сильный ушиб передней брюшной стенки». Подумали и дописали еще «ушиб селезенки».

Не просто так, а ознакомившись с ситуацией. Малена постаралась и даже видюшку поставила, которую ей полиция заботливо скинула на флешку. Дела-то на три минуты, а у нее точно не пропадет.

Медики оценили картину и порадовали сообщением. Мол, ты, девочка, в рубашке родилась, не иначе. Мог быть и разрыв, хоть кишечника, хоть печенки, хоть селезенки, тогда б так легко не отделалась. А тебе повезло. Ушиб пишем для полиции, а так – поболит недельку, да и пройдет. Но пока осторожнее, тяжестей не поднимать, а если что – звони в «Скорую». Сразу же, не жди проблем.

Малена обещала.

Антон с ней в больницу не поехал, кстати. Просто сунул денег медикам на «Скорой» и остался разбираться с полицией. Так что Малена была не в претензии. Тут она и сама разберется, а вот там...

Вот честно – жалости никакой не ощущалось. И папашу она посадит не глядя.

«Тоже мне отец! Спермодонор!»

Но в одиночестве Малена не осталась, и такси вызывать не пришлось – позвонил Давид.

– Ты где?

– Эм-м-м...

– Я у больницы. Ты в каком отделении, я встречу.

– В реанимации.

– ЧТО?!

– Тут у них томография есть, – путано объяснила Малена, но Давид понял.

– Этаж?

– Третий.

– Жди, я сейчас поднимусь.

И правда поднялся. Не слушая возражений Малены, подошел к врачу, что-то сказал ему, кажется, сунул пару купюр, взял копию протокола и пожал медику руку.

Потом подошел к Малене и ловко подхватил девушку на руки.

– А... э...

– Лежи молча.

Господин Асатиани был зол как черт. И пока нес Малену по больнице, и пока устраивал на заднем сиденье в джипе – злился.

И главное – непонятно почему?

В квартиру Малену тоже занесли на руках, к немалому восторгу соседей.

– Собирайся.

– Что?!

– Что слышала. Бери вещи на первое время, бери кошку, за остальным приедешь завтра.

Малена открыла рот.

– К-как?

И вот тут Давида сорвало.

– КАК?! – взревел мужчина, нависая над Маленой. – МОЛЧА!!!

Орал он минут десять, да так, что стекла звенели. И смысл монолога сводился к тому, что одна бестолковая и безответственная сопля слишком склонна переоценивать свои силы. А не случись рядом Антохи? А не поставь он камеру? А сообрази эти двое подонков подстеречь ее где-то подальше от дома, чтобы никто не видел?

И костей не нашли бы.

Избили бы, убили – и поди разберись...

Робкие возражения, что вообще-то там был и отец Матильды, отмелись с полдороги. Заявлением «имэл я таких отцов». И уточнять подробности у Малены язык не повернулся.

– А...

Давид чуть-чуть успокоился и присел рядом. Обнимать девушку не стал, но взял ее руку в свои ладони и крепко сжал.

Какие ж у него теплые руки. А вот у Малены стоит понервничать – и пальцы ледяные.

– Малена, ты пока поживешь у меня. И не бойся, приставать не буду. Обещаю.
– Спасибо, – искренне поблагодарила девушка. Давид почему-то поморщился, но промолчал. – Но отец больше не придет, а так...

– У него нет друзей, знакомых и так далее, которые подстерегут тебя и переломают кости? В лучшем случае?

Малена прикусила губу.

– Есть, наверное.

– Тогда у тебя только один выход. Какое-то время ты живешь со мной. С девушкой Давида Асатиани связываться побоятся.

Малена это отлично понимала. Но все ведь до поры?

– Я же не проживу у тебя всю жизнь?

Давид хмыкнул.

– За это время мы меняем тебе квартиру.

– Эм-м-м...

– Ты еще спорить будешь? Эту продаем, берем другую, в новостройке.

– У меня нет денег, – оборвала Малена. – Прости, но...

– Малена, мы продаем квартиры по цене шестьдесят тысяч за квадрат, – спокойно оборвал ее Давид. – Чужим. Как легко догадаться, себестоимость там намного меньше.

Малена догадывалась. Но...

– Хорошо. Напишешь мне долговые расписки на десять лет и будешь отдавать с зарплаты, как ипотеку. Устроит?

Малена покачала головой.

Не устраивало, но об этом они еще поговорят. А пока...

Черт, а ведь травма действительно пакостная. Папаша, чтоб тебе пропасть, скотине! Чтоб подохнуть в никотине! С особым цинизмом! Живот болел не на шутку, и двигаться приходилось крайне осторожно.

Давид посмотрел на это дело, цыкнул на девушку и принялся сам потрошить шкафы. Вещи летели в большую, еще бабушкину сумку на колесиках.

Помнутся?

Плевать, потом погладим. Кис, иди сюда, паразитка! Приданое тебе по дороге купим!

Вещи и Малену Давид переправлял в два приема. Сначала вещи, а потом Малену и истошно орущую у нее на руках Беську.

На кошачий вопль и выглянула тетя Варя.

– Это еще что такое?

Давид даже головы не повернул. Не из спеси – на лестнице это просто опасно.

– Малену я забираю, пока поживет у меня.

И эта соседка... Эта предательница! Эта пожилая сводня!!!

– А и правильно. У вас-то, чай, безопаснее будет?

– Однозначно. За квартирой присмотрите?

– Обязательно.

– Я позвоню. У Малены есть ваш телефон?

– Да.

– Тогда и обговорим все.

Давид запихнул Малену на заднее сиденье джипа и нажал на газ. Машина взревела и рванулась с места.

Беська пиццала.

Малена же...

Она не хотела, честно. Но сработала связь девушек, в другом мире наступало утро, и им оставалось лишь надеяться, что Давид не перепугается, когда она отключится у него на заднем сиденье. И не потеряет Беську.

Ладно, отключку списываем на болеутоляющее, которое в больнице вкололи, а вот киска...

С этой мыслью Матильда и закрыла глаза, чтобы открыть их уже в Аллодии.

Мария-Элена Домбрийская

– Малечка?

– Тильда?

– Как ты себя чувствуешь?

Малена попробовала вздохнуть. Тело повиновалось безукоризненно, живот не болел.

– Нормально.

– И то хлеб. – Матильда выдохнула. – Значит, мои травмы тебе не передаются.

– А такое бывает?

– И не такое бывает, – со знанием дела ответила Матильда. – Фантомные боли называется.

Это когда ноги, к примеру, нет, а она болит. И чешется...

– Жуть. Тильда, прости меня, пожалуйста!

– За что? – не поняла Матильда.

– Это я виновата, – едва не расплакалась Малена. – Я твоего отца спровоцировала, я увернуться не успела, я даже не думала... Тильда, прости меня, пожалуйста-а-а-а...

Пришлось Матильде перехватывать контроль, еще им соплей с утра не хватало.

– Малечка, цыц! Ты не права по всем пунктам!

– Это как?

– А вот так. Я бы ему нахамила сильнее и быстрее – это раз. Увернуться и я бы не успела, били-то всерьез, это два. А то, как ты потом вышла из ситуации, – вообще шикарно. Это три.

– Из свиньи можно получить ветчину, – чуть успокоилась Малена. – Но ты могла пострадать...

– Мы с тобой обе одинаково рискуем, – отмахнулась Матильда. – Хоть здесь, хоть там. А потому... ты здесь и сейчас даешь мне слово.

– К-какое?

– Жить, дорогая моя. Жить, что бы там со мной ни случилось. И если что – назвать дочку Матильдой. А уж я постараюсь вернуться. Если душа есть, а она есть, если будет хоть один шанс... ты поняла?

– Да. И ты...

– И я тебе обещаю то же самое.

– Ты сильная, Тильда. Я бы так не смогла...

– Бабушка мне это постоянно повторяла. Что надо жить, надо выжить, надо не раскисать и не опускать руки. В любой ситуации. Послевоенные годы были адом – она выжила. И дочь родила. Оказалась дочь идиоткой, зато внучка удалась. И она ни о чем не жалела. Понимаешь?

– Да...

– Тогда подъем! Нас ждет зарядка. Там мне еще недельку позаниматься не дадут, ну хоть тут душу отведем!

Стоит ли говорить, что герцогесса взлетела с кровати вихрем?

Зарядка? Да хоть что, лишь бы сестренка не сердилась. Она, правда, и так не сердится, но...

Близкие нас *уже* простили. Заранее. За все, что мы натворим. А мы себя – простим? За ту боль, которую им причинили?

Ой ли...

Так что – зарядка.

* * *

Вниз Матильда (сейчас именно она перехватила управление) сбежала весело и легко. И осеклась, наткнувшись на взгляд Лорана.

Смотрел на нее дядюшка как на особо опасного врага народа. А с чего такие плюшки?

– Доброе утро?

– Объяснись!

И этот замогильный тон больного упыря.

– Что объяснить? – не поняла Матильда. Малена сжалась в клубочек и уползла в угол сознания. Она и так Рисойских боялась, а уж после вчерашнего...

– ЭТО!

Загадочным «ЭТИМ» оказалась большая корзина с виноградом. Матильда выдернула из нее карточку, хотя уже отлично знала, от кого вкусняшка.

«Мой выигрыш с процентами. Найджел».

А что? Стильно так, в хорошем вкусе принцу не откажешь...

Матильда пожала плечами. Пригляделась к дядюшке и поняла, что дело неладно. Зрачки расширены, лицо какое-то подозрительное, ну да. Уголок рта подергивается. Кажется, мы наширились? Тогда лучше не нарываться, травма в двух мирах – явный перебор, в одном-то за глаза хватило.

– Дядя, вы видели, каким чучелом я вчера поехала?

Не видел. Доложили.

Одевалась-то Малена дома. Это снять грим можно хоть где, а вот наложить его... в карете не получится. Когда она вчера из комнаты вышла, Ирис аж взвыла и удрала. Очень умная собака оказалась.

– Ну?

– Чтоб на такое позариться, принц должен был сначала ослепнуть. Он и не позарился.

– А это – что?

– А, я его в покер играть научила. И он у меня кисть винограда выиграл, вот и отдался.

– Во что? – не понял Лоран.

– Дядя, это такая игра в карты. Давайте мы позавтракаем, а потом я вам покажу, как играть.

Лоран чуточку замедленно кивнул.

Ну, если так... посмотрим, что там за игра. И все равно... принц – сволочь! Присылать такое чужой невесте! Слухи же пойдут!

* * *

Позавтракать спокойно тоже не удалось, влетел слуга.

– Ваша светлость, там лекарь вас зовет...

Малена бросила все и помчалась туда, куда звали. К Варсону Шефару.

Влетела и поняла – дело плохо.

То ли удар оказался лучше, то ли организм хуже... Малена видела такое в монастыре, Матильда – с бабушкой.

Уже заострился нос, пролегли под глазами смертные тени...

– Ему осталось часа два, не больше... – Лекарь смотрел виновато.
Матильда схватила за руку слугу. Первого, который подвернулся.
– Живо! Во дворец, к Тальферу. Скажешь, что от меня, что все плохо. Ему надо прибыть сюда – срочно.
Стянула с пальца перстень с гербом Домбрийских, сунула парню.
– Покажешь, чтобы тебя к нему пропустили. И Баристу тоже... ЖИВО!!!
Слуга буквально вылетел прочь.
Малена опустилась на колени рядом с Варсоном.
Только бы Барист успел. Только бы...
Посмотрела на лекаря.
– Делайте что хотите, до приезда Тальфера он должен остаться в живых.
Лекарь вздохнул и принялся смешивать какие-то травы.

* * *

Когда Барист увидел встрепанного слугу, сердце так и екнуло. Упало вниз, покатилося... Просто так герцогесса не позвала бы, нет. Раз прислала... Придворные, стража, слуги – все открывали глаза и рты и не верили себе. По коридорам дворца, по лестницам неся, словно очумелый, Барист Тальфер, прыгал через ступеньки и орал седлать коня. Без плаща, без шляпы, что случилось-то? Но задать этот вопрос никто не рискнул. А Барист гнал коня по Аланее, и мысль была лишь одна: «Я его подставил. Я, я, я...» В дом Домбрийских он влетел вихрем и пронесся до комнаты, из которой уходил сейчас его друг. Один из. Верный, надежный... Уходит. Даже про себя Барист не мог произнести страшного слова. Умирает. Только здесь, в комнате, где остро и зло пахло травами, где горящие свечи подчеркивали смертную печать на лице друга, где бормотал молитвы служитель и сидела, глядя в стену, Мария-Элена, он смог произнести это слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.